

Ольга Шульга-Страшная

Лабиринты времён

от смерти - отрекаюсь

Ольга Шульга-Страшная

Лабиринты времен

«Э.РА»

2015

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Шульга-Страшная О. Г.

Лабиринты времен / О. Г. Шульга-Страшная — «Э.РА», 2015

ISBN 978-5-00039-229-4

Тайное братство Своих существует 2000 лет. Ни одно событие, ни одна война и ни один властитель мира не обделены вниманием и незаметным вмешательством умных и сильных Князей Братства.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-00039-229-4

© Шульга-Страшная О. Г., 2015
© Э.РА, 2015

Содержание

Посвящение	6
I часть	7
Открытие, определившее... прошлое (2002 год)	8
1025 год	12
1972 год	17
2002 год. Продолжение	19
1043 год	25
2002 год	30
1378 год	38
2003 год	47
2004 год	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ольга Шульга-Страшная

Лабиринты времен

© Шульга-Страшная О. Г. 2016

Посвящение

С благодарностью предкам, кои подарили нам жизнь и гордость за корни наши, и не рожденным еще потомкам – надеждой на продолжение добрых дел.

*«Зародыш мой видели очи Твои;
в Твоей книге записаны все дни,
для меня назначенные, когда
ни одного из них еще не было».*

Псалтирь 138 Пс. 16

I часть

От смерти – отрекаюсь

Каждому начинателю нового дела или автору новой идеи в своей эпохе кажется, что он родился раньше времени только потому, что мало кто из его современников приемлет его подвиг или начинание. А он, этот одинокий начинатель, чаще всего пришел как раз вовремя. Именно для того, чтобы разбудить мысль своих современников, подвигнуть их на новую ступень развития и мышления. Иначе как бы происходило движение вперед, к знаниям, к свершениям добрых дел? Ко всему тому, что является смыслом существования каждого поколения да и всего человечества в целом? Я думаю, мы посланы в нашу земную жизнь именно за этими передовыми идеями, за совершенствованием своих стремлений. Потому что вдохновить на жизненный подвиг могут только идеи и мысли высокого и благородного происхождения, корни которых спрятаны в далеком рождении наших предков. Предков, которые смогли заронить в нас зерна совершенства и смогли отсеять эти зерна от плевел. Они бережно передавали из поколения в поколение эти драгоценные семена для будущих своих потомков, долгом которых будет не только не потеряться во времени, но и не растерять решимости взрастить в своих детях благородные и высокие начинания во имя всего человечества. И неважно, в каком месте планеты прорастет новое зерно. Оно, как брошенный в чистую воду камень, пошлет волну, которая рано или поздно достигнет всех берегов. И если время от времени в разных местах планеты будут возникать такие благословенные волны знаний и чистой энергии, то когда-нибудь они смогут покрыть всю Землю и всех, кто жаждет приобщиться к Божественной Силе и Божественному Свету.

Открытие, определившее... прошлое (2002 год)

Пятнистая пушистая кошка Бася была любимицей всей лаборатории. Никто никогда так и не узнал, как появился этот растрепанный шерстяной комочек, жалобно мяукавший рано утром у порога еще закрытой двери в самую святая святых – комнаты, где находился экспериментальный образец «Витязя». У котенка, несмотря на малый рост, были необыкновенно большие и острые зубки, поэтому его, вернее, её, так как котенок при ближайшем рассмотрении оказался девочкой, назвали грозным именем Бастинда. Но Бастинда своего имени не оправдала, превратившись в ласкучую и спокойную кошку. Она делила свои дни на две половины. В первой – мирно спала, свернувшись в пестрый, как домотканый деревенский коврик, комочек. А во второй – лакомила щедрыми подношениями сотрудников и играла. Играть она умела. Именно умела, потому что, при всей своей энергичности, Бастинда играла так интеллигентно, что умудрялась не задеть ни одного провода, ни одного мигающего разноцветными огоньками прибора, пусть и проносилось стремительно иногда в воздухе яркое и пушистое нечто. И как-то само собой имя Бастинда превратилось в ласковое Бася, единственное, на которое кошка отзывалась сразу, не признавая никаких, из дома принесенных, «кис-кисов».

Кому первому пришло в голову испытать на Басе «Витязя» тоже как-то сразу забылось. Наверное, подспудно эта мысль зрела у всей команды, потому что уже через месяц после озвучения этой идеи на столе у Владимира Ярославича Пересветова лежала уменьшенная до размеров кошачьей головы точная копия шлема «Витязя». Бася своей великой исторической судьбы не знала и, сидя на уютном широком подоконнике, спокойно вылизывала пестрые бока под теплыми лучами весеннего солнца.

В день первых испытаний лаборантка Ирочка под всеобщими требовательными взорами взяла Басю на руки, жалостливо погладила покорно повисшее в ее руках тельце и торжественно, как на похоронах, понесла Баську к установке. Баська с любопытством посматривала на свою семью. Она доверяла всем совершенно, так как самой большой неприятностью в ее двухлетней жизни были неловкие наступания на ее хвост, который она время от времени безмятежно пластала на линолеуме во время дневного сна. Баську уложили на специально приготовленную по ее размерам кушеточку и стали пристегивать ремнями. Это понравилось Баське значительно меньше. Она попыталась выскользнуть из пока еще любимых рук, но сплетение ремешков, плотно прижавших ее к кушеточке, пресекли все попытки к самостоятельности. Баська жалобно и обиженно мяукнула. Все молчали, запоздало жалея любимицу. Но вот чьи-то руки протянули шлем, и Баськина судьба была решена окончательно. Еще раньше было оговорено, что ни Баське, ни следующему испытуемому, – во втором случае подразумевался человек, – никаких успокаивающих инъекций делать не будут. Эксперимент должен был быть чистым, и впечатления от увиденного генной памятью – объективными. Конечно, от Баськи подробных рассказов о давно минувших событиях из жизни предков не ожидали. Ей нужно было только остаться живой. Новенькая цифровая кинокамера давно жужжала, приготовившись запечатлеть Баськин подвиг во имя науки и истории. И во имя еще Бог знает чего.

Баська беспокойно ворочалась и все жалостнее мяукала из-под плотно облегающего голову шлема. Окончить мучения ее свободолюбивой натуры могло только включение установки. Все ждали команды, и Пересветов молча кивнул головой. Он так волновался, что его руки, сжатые в кулаки в карманах халата, свела судорога. Лампочки послушно мигнули, и ровный, едва слышный гул заполнил все помещение. Баська замерла. Ее глаза вдруг на мгновение расширились, а потом закрылись. Сначала ничего не происходило. Казалось, что котика спит, но потом ее бока вдруг стали часто-часто приподыматься и опадать, как будто Баську что-то невероятно взволновало. Уши ее приподнялись, а шерсть на загривке выбилась из-под ремешков шлема и встала торчком нелепыми рыжими клочками. Пульс ее маленького кошачьего

сердца вдруг так участился, что у Ирочки рука невольно потянулась к маленькому выключателю. Кто-то шлепнул ее по пальцам, и все опять замерли. Баська заворочалась в своих путах, и когти ее вдруг стали разрывать дерматин кушеточки. Нос у кошки некрасиво наморщился, а клыки приоткрылись в своем крошечном и все-таки страшном хищном оскале. Казалось, еще миг, и кошка разорвет путы.

– Все, достаточно, – тихий голос Пересветова прозвучал в тишине, как гром. Ирочка опомнилась первая, она бросилась к Баськиным путам, не дожидаясь, пока выключат «Витязь». И тут же поплатилась за свою поспешность, Баськины глаза открылись, она присела, изговившись к прыжку, и через секунду уже вонзила свои маленькие клыки в Ирочкин затылок. Её лапы как будто обнимали девушку за шею, а челюсти сомкнулись на выступающих позвонках, поросших мелкими нежными завитками волос. Кровь из-под когтей, глубоко вонзившихся в шею, и яркой алой струей брызнувшая прямо из-под Баськиных клыков, заставила закричать не одну Ирочку. Баську едва оторвали от девушки, при этом кошка хищно скалилась на всех, царапалась и издавала какие-то незнакомые хриплые звуки. Наконец, кто-то догадался сорвать с животного шлем и щелкнуть тумблером. В тот же миг Баськино тело обмякло, глаза ее закрылись, и она провалилась в какой-то обморочный кошачий сон. Заниматься ею было некому. Все суетились вокруг Ирочки, которая, уже лежа на полу, с ужасом пыталась отползти подальше от того места, куда положили кошку. Кровь не останавливалась и многочисленными алыми струйками стекала за белый воротник Ирочкиного халата. Прибежавшая из медпункта института медсестра осмотрела раны и тут же вызвала «скорую». Когда Ирочку уносили, она успела успокаивающе махнуть рукой Пересветову. Баську успели спрятать, а врачу «скорой» объяснили, что в лабораторию ворвалась незнакомая кошка и напала на лаборантку. Он удивленно обвел взглядом помещение, но ничего не понял и только согласно кивнул головой.

– Кошка... – Все расслышали его растерянный голос и в другое время рассмеялись бы. Но сейчас было не до смеха. У всех вертелся в голове один вопрос: неужели Баська сошла с ума? И вообще – кошки могут сходить с ума? Если да, то с какого ума она сошла: со своего или с ума того предка, в генную память которого они смогли ее отправить?

– Она не сошла с ума, она просто охотилась вместе с тем, кто оставил в ней свою память. Наверное, это была какая-то лесная дикая кошка. А, может, рысь. Я не знаток зоологии... – Пересветов был доволен. Инцидент с Ирочкой омрачал радость победы, но все вдруг поняли, что – да! – удалось! Они смогли пробиться через нескончаемый слой времени. И сразу каждый из них вдруг захотел оказаться на месте Баськи. Уже никто не боялся, и каждый жадно смотрел на Владимира Ярославича. Но он решительно покачал головой и сказал:

– Все, на сегодня хватит. Следите за Баськой.

Все дружно повернулись в Баськину сторону, но ее не было на том месте, где еще минуту назад ее скрывали от взора врача «скорой». Баська уже мирно сидела на теплом, прогретом солнцем подоконнике и, как ни в чем не бывало, вылизывала свои бока, потрепанные в битве многовековой давности.

Ирочку отпустили из больницы на следующий день, велев прийти через неделю, чтобы снять два шва на затылке. Остальные ранки обработали и заклеили пластырем. С этого дня Ирочка стала обходить Баську десятой дорогой. Она так и не смогла простить своей бывшей любимице минутного предательства. А Баська преданно и нагло терлась о стройные Ирочкины ноги и не понимала, почему та столбенеет и не шевелится, пока Баська не отойдет к другим, более живым и отзывчивым ногам.

Пересветов знал, что без разрешения Ярого он не имел права подвергать свою жизнь опасности. Но Ярый был болен, дни его были сочтены, а следующий глава Братства был еще никому не известен. Дни шли за днями, установку необходимо было вывозить, но для этого нужно было провести еще одно испытание. Больше всего профессор Пересветов боялся, что информация о «Витязе» просочится за стены института, поэтому он принял решение об экс-

перименте над собой на свой страх и риск. Ждать дольше он не считал безопасным, одновременно подавляя в себе чувство самосохранения и элементарной осторожности. К началу путешествия в память предков он пригласил только отца. Генерал-лейтенант Пересветов приехал один, захватив с собой кинокамеру. В лаборатории в этот воскресный день не было никого из сотрудников. Только преданная Ирочка и два Пересветовых.

Владимир Ярославич улегся на кушетку, обхватил ее края руками и приготовился к включению «Витязя».

– Погоди! – Он вдруг внимательно посмотрел на Ирочку и попросил: – Пристегни меня как Баську.

Ирочка сразу согласно кивнула головой и стала затягивать на большом и сильном теле своего шефа многочисленные ремни. Она вдруг вспомнила Баськин невероятный прыжок в охотничьем порыве и подумала, что неизвестно, откуда вернется Пересветов. Больше подставлять свою шею девушка не хотела. Наконец, все застежки были затянуты и камера включена. Владимир Ярославич постарался расслабиться и тихо сказал:

– Давай!

Ирочка щелкнула тумблером и принялась следить за пульсом своего шефа. Глаза его плотно закрылись. Тихо шелестела камера. Сначала ничего не происходило, но спустя несколько минут лицо Пересветова исказилось в каком-то незнакомом отчаянном выражении. Он застонал, а зубы его стали скрежетать, как будто там, в далеком прошлом, он поднимал невероятную тяжесть или терпел не менее невероятную боль. Потом мышцы его лица внезапно разгладились, обретя какой-то посмертный неподвижный облик. И, если бы не выровнявшийся пульс, Ирочка и Пересветов-старший решили бы, что Владимир Ярославич умер. Ирочка посмотрела на секундомер и щелкнула тумблером выключателя.

Прошла почти минута, прежде чем Пересветов открыл глаза. Он хотел было приподняться, но вдруг ощутил на себе уже забытые пути ремней.

– Уже можно? – осторожно спросила Ирочка.

– Да, сейчас... – Голос Пересветова неожиданно охрип, как будто он перед этим громко и долго кричал. Он закашлялся и посмотрел на отца. – Все снял?

Ярослав Юрьевич кивнул головой, потом тихо спросил:

– Ну что? Как там? – Он вдруг увидел, что сын за несколько минут эксперимента отчаянно постарел, лицо его осунулось и приобрело какие-то незнакомые очертания.

– А хреново там, – вдруг заявил на всю лабораторию Владимир Ярославин. – Меня там только что порубали. Вернее, нашего с тобой предка. А вдруг это по моей вине? Мне показалось, что он растерялся, когда почувствовал, как что-то творится с его сознанием. Еще бы миг, и мне неоткуда было бы возвращаться... – И тут же, на одном дыхании, продолжил: – Мне нужно вернуться.

– Нет! – хором закричали Ирочка и Пересветов-старший.

– Да, – прозвучало в ответ.

Владимир Ярославин опять улегся на кушетку, и все повторилось с самого начала. Его сознание, закрутившись в каком-то невероятном воронкообразном вихре, унеслось вдаль, назад, перескакивая с никогда не виденных им картинок, ловя обрывки слов, шум ветра, ощущая боль и наслаждение, ловя чужие, незнакомые лица. Он ждал, когда очутится в том же месте и в том же предке, которого он еще несколько минут или несколько веков назад погубил. Он с трудом успел ухватиться за уже знакомый звук битвы, услышал звон металла о металл, хруст костей и крики озверевших противников. Рука его напряглась, помогая удерживать невероятно тяжелый меч. И они оба не пропустили момента, когда над ними сверкнул искривленный чужеземный клинок. Они отбили удар и тут же рассекли врага надвое. «Ворога», – оправдывая свой злобный порыв, успел повторить давно забытое в народе слово Владимир Ярославич. Его предок стоял на вершине холма, наблюдая за затихающей битвой. Пот заливал глаза и ще-

рыми крупными струями стекал по спине и груди, тяжело защищенной звенящей от каждого движения кольчугой. Пересветов вдруг с удовольствием расправил плечи и почувствовал себя как никогда молодым и сильным.

– Воевода, княже! – слова дробились и проникали под шлем. Владимир Ярославич повернулся на призыв и неожиданно услышал:

– Владимир Ярославин, что с вами, вы чему улыбаетесь? – Он открыл глаза и увидел склоненное над собой лицо Ирочки.

– Ах, как не вовремя, как не вовремя ты меня отключила! – Владимир Ярославин продолжал улыбаться, вспоминая незнакомое ощущение восторга победы. Восторга и усталости в могучем и еще нестаром теле. Он сел на кушетке и поднял на отца счастливые глаза:

– Будь здоров, воевода Пересвет, будь здоров.

С этого дня Пересветов эксперименты прекратил, велел всем заняться следующей темой, совершенно далекой от путешествий по генной памяти. Больше всего он боялся, что кто-нибудь из молодой его команды самовольно проникнет в свое прошлое и напортачит там таких дел, какие будут потом расхлебывать все последующие поколения. Если они вообще родятся, эти поколения... Он был достаточно предупрежден в своем путешествии. Спустя три-четыре дня аппарат отправили в другое помещение, и разговоры на тему вожаемых опытов стали строго-настрого пресекаться.

1025 год

Ярослав прощался с молодой женой. Еще и тридцати дней не прошло, как привел он на отцовское подворье дочь Муромского воеводы Димитрия. Евдокия висла на его шее, заливая новую рубаху слезами. Ей было страшно оставаться одной в незнакомом городе, да и мужнин терем казался таким большим и таким чужим. И люди вокруг были еще чужими. Дунечка стыдливо прятала лицо на широченной груди мужа, а он сам, несмотря на то, что был старше молодой жены аж на десять лет, едва справлялся со щекоткой под веками. Уж больно по сердцу пришлась ему Дунечка, такая ладная да такая ласковая, что душа его в один день сроднилась с ее душой. И чего он противился, чего отсрочивал свадьбу? Правда, боязно было жениться на никогда не виденной боярыньке. Но родители с двух сторон торопили, сватовство было задумано давно, девка пересиживала без мужа – весной, чай, уж шестнадцать стукнуло. Досадливо махнув рукой, подчинился родительской воле боярский сын Ярослав Пересвет и на свадьбе едва смотрел в сторону невесты, которая где-то далеко внизу, у самой его подмышки, непрестанно хлюпала носом, оплакивая скорую разлуку с родителями.

Свадьба отзвенела колоколами, отплясала и напелась на всю округу, и гости разъехались. И не осталось для Дунечки никого ближе Ярослава. Она вцепилась маленькими руками в его рубаху, и так и ходила за ним испуганным зайчонком, чая никого больше не видеть из-за его широкой спины. Далекой чужбиной казался ей Киев, и так далеко остался родной Муром, батюшкин дом и матушкины обережные объятия. Страшно, ой как страшно выходить замуж на другом краю земли!

В первую ночь Ярослав пожалел молодую жену, жавшуюся на широкой пуховой перине к самому краю. Её маленькое тело сотрясала такая нервная дрожь, что ему вдруг стало смешно, он приподнял правой рукой голову Дунечки, поприжал ее к своей высокой груди, и так и убаюкал, согревая своим теплом и умиряя в себе жажду куда более сильную, чем жажда питья в жаркий полдень. Дунечке было не очень удобно лежать так высоко, но постепенно дрожь унялась, и теплая дрема сморила её; она принесла покой и крепкий молодой сон. Дунечка проснулась перед зарей первая, проснулась оттого, что рука ее, сжимавшая мягкую льняную рубаху подмышкой мужа, сомлела, и острые иголочки поползли от пальцев к самому её локоточку. Дунечка шевельнулась и сразу вырвала из сна Ярослава. Он спал чутко, как и подобает спать воеводину сыну. Но тревога его враз улеглась, уловив поодаль от себя маленькое и беззащитное тело жены. Он разомкнул веки и увидел рядом со своим лицом ее серые глаза, которые с жадным любопытством рассматривали его. Он улыбнулся, боясь шевельнуться и вспугнуть Дунечку. Щеки ее разом полыхнули, и она опять уткнулась лицом в его рубаху. Но тела их были так расслаблены утренней дремой, а тепло на широкой кровати так доверчиво проникало в них, что они невольно сильнее поприжались друг другу, как бы пробуя на вкус ощущение своего единства. Ярослав потянулся к Дунечкину лицу, и его теплые мягкие губы обволокли ее рот, неожиданно быстро разбудив в ней дразнящую щекотку где-то внизу живота. Дунечка судорожно вздохнула, втянув в себя запах его тела. И ей вдруг захотелось, чтобы и ему понравился ее запах, понравился так же, как только что ей – его. Ярослав обхватил Дунечку, прижав её к себе так сильно, как будто желал сломать в поясице. Но она только изогнулась в его руках, откинув на подушку разметающуюся за ночь косу и издав низкий и чуть слышный стон. Им обоим было больно только один раз: Дунечке, когда она ощутила в себе его ворвавшееся естество, и ему в этот же миг, когда жена его, стесняясь вскрикнуть от боли, прикусила его грудь, прикусила больно, до крови. Оба вздрогнули, но не испугались и не остановились. А второй раз Дунечка уже не кусалась, только постанывала, то ли от боли, то ли от сладости. Ярослав не буйствовал, жалея придавливать ее узкие девичьи бедра, красиво и розово раскинувшиеся на мягкой льняной простыне. Уже под утро, сдерживая свою неожиданную жадность,

он склонился над ней, подхватил ее под ягодицы обеими ладонями и, крепко прижимая к себе ее теплое нагое тело, закружил по тесной светлице. «Любая, любая моя!», – восторженно, как открытие, шептал он ей в ушко. Дунечка счастливо засмеялась, крепко обхватила мужа ногами и жадно прижалась своим влажным лбом к его твердому животу. «Любая», – опять пронеслось в воздухе, пронеслось тихо, как теплая струя воздуха. Он посадил ее на край высокой кровати, не отрываясь от ее тела. Дунечка радостно откинулась навзничь, заново ловя сладостные толчки внутри своего живота. Она как будто понимала, что главная сладость супружества еще не пришла, что она еще ждет своего мига. И вот где-то под самым её сердцем впервые созрело что-то томящее, тянущееся приятной и горячей нитью навстречу толчкам мужа. И эта горячая нить, долго и вдосталь насладившись его мужской силой, наконец упруго скрутилась в тугой щекочущий клубок и неожиданно взорвалась такой сладкой и мучительной негой, что Дунечка то ли смеясь, то ли плача издала неожиданно низкий и почти грубый стон. Ей было все равно в этот миг, слышит ли он ее, нет ли. Но глаза неожиданно нашли его взор, горевший радостным и гордым огнем. Он еще несколько раз вошел в нее, и жгучая влага, растекшись в ее лоне, вдруг подарила ей еще один долгий миг наслаждения. «Зачать хочу, зачать!» – губы ее жадно целовали его тело, склонившееся к ней и по-прежнему не желавшее расставаться с ее теплом. Ярослав ловко подхватил свою маленькую боярыньку, и они скатились на необъятную перину одним неразлучным телом, которому всё было уютно и всё ловко: и каждый изгиб, и каждое пожатие, и непривычная пока липкость любовной влаги, как будто навеки соединившей их. Все нравилось теперь Ярославу в молодой жене, и ласковость, и покорность, и тихий смех, и даже ее запах, отдававший летними луговыми травами. «Ромашки, что ли?» – мелькнула у него усталая мысль, и он уснул, расслабленно сжимая в кольце своих рук маленькое размякшее тело Дунечки.

Поздним утром, ополоснувшись над маленькой бадейкой в темноватом углу за широким боком большой печи, Дунечка надела новую рубаху, красиво вышитую умелыми муромскими мастерицами, и тяжелый сарафан, изукрашенный разноцветными камнями на груди и по широкому подолу. Веселая молодайка, помогавшая ей омываться, расчесала и заплела длинную Дунечкину косу, туго заколола ее на затылке костяными резными заколами и спрятала под жемчужную кичку. Дунечка гордилась своим первым женским одеянием, она рвалась поскорей выйти к мужу, чтобы он заново, при дневном-то свете да равнодушным уже взором увидел и оценил ее красу. Голос его, звучный и веселый, давно раздавался со двора. Он как будто говорил ей, что ждет, что уже соскучился по ней.

Между тем молодайка, собрав комом простыню и рубаху Дунечки, с поклоном спросила: – Дозволь, свет-боярыня Евдокия, отнесть к боярыне кровя-та? Заждалась уж, видать, матушка.

Дунечку кинуло в жар от одной мысли, что кто-то посторонний, совсем не касаемый их с Ярославом ночных утех, будет рассматривать алые и желтоватые пятна на их простыне и ее рубахе. Она хотела вырвать узелок из рук смеющейся женщины, но та не уступила, ловко увернулась, и через миг ее подол уже мелькнул в дверном проеме.

Дунечка прижала к горящим щекам заолодевшие руки, отдышалась и, как в омут, шагнула через порог светелки. Шагнула – и тут же оказалась в мягких объятиях свекрови.

– Ай любая, ай чистая моя. Спаси тебя Бог, душа моя, что принесла в дом мужа честь и чистоту рода своего. Храни тебя Господь, ангел мой! – И вдруг на ухо, горячо и стыдно: – А сладка, видать, ночка-та была? Чай люб тебе мой сынок-та показался? Вижу, места свежего не осталась-та! – Боярыня Евфросиния опять с явным удовольствием перетряхнула простыню, выискивая новые свидетельства первой брачной ночи.

Дунечка, услышав на крыльце голос мужа, заелела еще пуще. А молодой боярин, оправив за плетеным поясом длинную мягкую рубаху, вошел в терем и изумленно уставился на молодую боярыньку. Только сейчас, при дневном свете, он, наконец, рассмотрел, какое диво держал

ночью в руках. Серые глаза Дунечки то и дело вскидывались на него, с радостным восторгом встречая его изумленный взор. Она сразу поняла, что и днем, при ярком свете, их неразрывная связь оказалась также крепка, как и прошедшей ночью. И сердце ее забило высоко и радостно, обещая еще много таких солнечных дней и сладостных ночей...

И вот пришла злая весть: Святополк, обидчик и предатель земли русской, опять поднял войско против брата, сидевшего на Киевском престоле. Великий князь Ярослав собирал свое войско, в который раз готовясь отбиваться от печенегов, с которыми поручался его брат. И тезка его и ближний друг молодой Ярослав Пересвет неотрывно следовал за своим князем, помогая ему в лихолетье. Разрывалось сердце молодого воеводы, но воинский долг есть воинский долг, а жена... Что ж, жена знала, какая жизнь у русских воевод, сама выросла в такой семье. Не внове ей все это. А Дунечка все вскидывала голову, чтобы увидеть еще раз родимое лицо мужа и опять жалась к нему и мочила слезами его рубаху. И прятала она за своими, почти детскими, страхами, настоящий женский страх за жизнь мужа. Слово «страх» сродни слову «страж». Дунечка знала: если бояться, можно уберечь, устрожить, усторожить. Женский страх, как оберег, охранял мужчин и днем и ночью.

Уже и пыль, поднятая конницей, осела, и солнце поднялось высоко, припекая почти полетному, а Дунечка все стояла на высоком крыльце, высматривая далекую точку вдаль. И чудилось ей, что это все еще спина ее мужа виднеется там, на взгорке. Свекровь ее, высокая и крепкая женщина, боярыня Евфросиния, вышла на крыльцо и обняла Дунечку своей тяжелой и теплой рукой.

– Терпи, Дуня, терпи. К доле своей привыкай. У них ведь, у мужей наших, тоже своя доля есть, и ох как тяжелыне нашей, бабьей-та. Ты мне вот что лучше скажи, сношенька, чай ты уже понесла, что ли ча? – Она требовательно развернула Дунечку к себе лицом, та зарумянилась в один миг и со стыдом, но и с тайной гордостью отметилась:

– Да-а-а... – И опять горячие слезы полились по щекам.

– Ох молодушка, ох золотушка, управилась уже, быстра-то как! Плакать теперь не смей, нельзя, воеводские дети бойки должны быть, слез им видеть нельзя. А то духом крепки не будут. Ты вот что, Дуня, пойдем-ка со мной. Чтой-то я тебе подарю сейчас. Книжники вчера работу закончили. Сейчас вот и подарю. Книга большая, красивая да умная. Ты, чай, обучена? – спросила на всякий случай боярыня.

Дуня кивнула головой, найдя себе еще одну защиту в новом своем доме. Читать Дунечка любила. И в приданом ее было целое богатство – три книги. Одна, правда, была на греческом, еще малознакомом ей иноземном языке. Зато две другие на своем, русском, с родными буквицами.

По тем временам далеко не каждый боярин знал грамоту, а уж чтобы баба... Но в воеводских семьях уже заведено было правило: обучать грамоте всех детей – и мальцов, и девочек. Чудилась за этим правилом сила, хотя говорить принародно о таком умении было не след.

А Ярослав Пересвет, тем временем, уже вступал на подворье князя, своего тезки и друга Ярослава, сына Владимира. Сильный новгородским тылом и новгородской дружбой по первому своему княжению, Ярослав обещал стать хорошим князем и Киеву, и всей земле русской. Но как он хромал с юности на одну ногу, так и в великом княжении старший брат Святополк тянул его пригнуться то к одному боку, то к другому. Как кукушонок, заброшенный в чужое гнездо, Святополк выбрасывал из отцовских владений одного брата за другим. Но не слаб духом был Ярослав, и не допускал княжения Святополка Окаянного с его то польскими, то печенежскими дружками. Не давал он разгуляться старшему брату да зорить отчий дом, который их отец, Владимир, кровью и потом спланивал до самой своей кончины.

На этот раз злонамеренья старшего брата перешли все границы терпения. Печенеги в немислимом количестве дошли аж до крепости Альта, что на левом берегу Днепра. Мечтали,

окаянные, посадить на Киевский престол своего Святополка, и топтать Русь, пока кони до сухой земли все не вытопчут. Замыслили они не набезным разбоем насытиться, а остаться навеки, чтобы служил им русский народ, теща печенежскую гордость и жадность. Там, в далеком Диком Поле, уж все истоптано и съедено, а у русичей завсегда хлеб родит, меды в корчагах пенятся да бабы каждый год работников рожают.

Здесь же вот, на самом на берегу Днепра, в широком необъятном поле и задали трепку печенегам Ярославовы дружины. Но то красное словцо вылетело – «трепку задали». А на самом деле худо пришлось не только печенегам. Много русских дружинников полегло, питая родную землю своей ядреной кровушкой. Не час и не два бились мужики. Печенеги – чтобы оставшиеся годы жить беспечно, в неге и сытости; русичи – чтобы самим рабства не знать, и чтоб дети не знали, как перед ворогом и притеснителем голову клонить. Да еще за мамушек да старух столетних, что ждали их, с тоской вглядываясь под козырек руки до самой грани дороги, что уходила далеко-далеко, за самый за простор полей. Да еще за память о дедах своих, что с тяжелыми мечами, не замечая тяжести наручной, отбивались от охотчиков до хлебушка русского, отбивались задолго до рождения сегодняшних дружинников. Да за своих потомков дрались, которые нерожденными еще много лет будут, но когда-то ведь и родятся? За них вот, за нерожденных, для которых отеческий дом сохранять нужно было, да вот это поле широкое, смоченное кровью не одной битвы, да смелый и веселый нрав, который в рабстве не вырастишь... Кости хрустели да мясо сочно чмокало, отсекаясь от плоти, стрелы люто жалили, доставая до самого до сокровенного нутра. И лилась кровушка и набезчиков, и защитников, неразличимая ни по цвету, ни по боли. Умирать-то кому не больно да кому не страшно? Ан нет, опять неверное слово сказано. Не страшно в родную землю ложиться. Чай она, как мамушка, обнимет да примет сыночков своих. А чужой-то, гость незванный, как пес выброшенный смердеть останется, покамест не растащат волки степные да вороны ненасытные. Вон как расселись поодаль, дожидаясь своей кровавой да сочной добычи.

Ярослав Пересвет как щит стоял рядом с князем-тезкой. А когда в вечернюю зарю стали теснить их печенеги, то и спину друга своего прикрыл, принимая на себя удары звенящего железа. Гул со всех сторон стоял такой, что казалось – и из ушей кровь польется. Русичи, не мудрствуя лукаво, бросались в бой всей лавиной, рассчитывая свою силу на единый порыв и единый удар. А степняки, чтя воинскую хитрость превыше иного какого умения, всегда оставляли сзади, за спинами, свежее войско, которое раз за разом сменяло уставших воинов и вносило в ряды русичей растерянность и смятение своей казавшейся бесконечной силой и неутомимостью.

Да, всё было. Всё было у русичей, не только победы, но и поражения. Только не сегодня. Нет. Подвела степняков самонадеянность да недавние скорые и легкие победы на рубеже земли русской. Все в этот день было против них... То ли русичей сегодня было больше, то ли в бой они шли веселей, оставив, наученные, свежие силы за спиной. Но трудно было сегодня степнякам, ох как трудно. А с вечерним закатом, когда солнце развернулось прямо в черные и узкие глаза их, хлынула на печенегов небольшая, но свежая сила русского воинства. И битва вскипела заново, не давая пока перевеса в победе ни одной, ни другой дружине. Уже много было убитых и раненых с обеих сторон, и силы, казалось, истощились... И мелькала шальная и непрошенная мысль – не отступить ли, не отодвинуться ли...? Но солнце все еще освещало русичам путь, являя серую усталость на грязных и плоских лицах врагов.

И вот дрогнули, сначала духом, а потом и плотию, печенеги, поддались под натиском русичей и, как лава, покатались назад, в Степь, чтобы опять на долгие годы забыть и самое начало тропки, которая вела в сторону Руси. Еще много лет обходили печенеги край русской земли, стремясь со своим голодным войском в сторону запада, в слабовольную и рассеченную недружными правителями Европу.

А киевский князь Ярослав, вернувшись назад, к отчему престолу, уже по праву старшего занял княжье место. Чтил он и отцовские заветы, и отцовские задумки об объединении Руси; и чтит он чаянья всего русского народа, всегда без опаски родивших и детей, и хлеб за широкими спинами своих дружинников, которые и спали сторожко, и жили сторожко, готовые в один миг подняться и опять идти защищать и свой отчий дом, и свою отчизну. И у левого плеча князя всегда стоял ровесник и друг Ярослав Пересвет, как и многие из бояр, состоявший на службе в дружине князя. И суждено было ему послужить тем зернышком, которое проросло и выстелилось в могучее древо воеводского племени, через века меняя только оружие и царей, но никогда не меняя народ, охраняемый их спиной, и Родины, которая меняла государственное название, но никогда не меняла значения Русь и Родина-мать.

Всё, казалось бы, до поры было спокойно. До поры... Но одно не давало безмятежно спать киевскому князю Ярославу, сыну Владимира – он никогда не забывал, что в далекой Степи рыскает Святополк Окаянный, пропадая без вести среди таких же отверженных. Он, так же, как его давний предвестник, Каин, не ведал ни любви, ни раскаяния. И его семя, сильное не добром, а злой волей, тоже проросло и обещало вырасти таким же ветвистым, хотя и с отравленными плодами, деревом. И приходилось только надеяться, что кто-нибудь из потомков Святополка сможет побороть в себе дух всех каинов и покаяться, спасая и себя, и своих еще не рожденных потомков. Господь милостив, и обещал всем прощение за искреннее покаяние, готовый прервать нить несчастий и бесчестья на любом сыне или пра-пра-...сыне. Скользко жить на чужой крови, можно упасть и выдернуть корни своего дерева, но коли сбережен ты от этого несчастья, значит, есть еще планы на тебя у Господа, и никому не ведомо, через сколько столетий свершиться им.

Дунечка встречала мужа, гордо неся перед собой высокий живот. Она еще не знала, что Бог подарит ей долгую, далеко за сто лет, жизнь. И во всей жизни для нее будет тепло родного дома, тепло мужниной груди, и тепло малых деток, рожденных ею до десяти. И все будут мальцами, крепкими и высокими, как отец. И только последней будет долгожданная доченька, за долгое ожидание названная родителями Жданою. И выйдет Ждана за сына Тмутараканского воеводы и посеет в века его семя, носившее уже не Пересветово имя, а Стражниковых, которые вовеки будут стражами на южной окраине российской земли и зваться будут уже не русичами, а воинами, живущими у края земли родной, то бишь, украинцами, свято охраняющими ее края. Но это уже другая история о другой любви...

1972 год

Владимир Ярославич Пересветов был военным инженером. Его карьере можно было позавидовать. Уже на пятом году службы пригласил его в свою лабораторию известный ученый-биофизик, имя которого до сих пор мало кому было известно в силу закрытости всех его работ. Тема, которую он предложил приглянувшемуся молодому инженеру и изобретателю, прозвучала почти фантастически. Владимир Ярославич даже оглянулся, чтобы встряхнуть свои мысли. Нет, действительно, двадцатый век, за окном осень, идет дождь: все обыденно и реально. Но его Учитель стоял напротив, и второй раз четко повторил, что им предстоит путешествовать по лабиринтам генной памяти. И как знать, где они смогут оказаться, блуждая по задворкам сознания давно ушедших предков?

Пересветов долго рассматривал нелепую конструкцию, провода от которой шли к маленькому гудящему ящичку с веселыми многоцветными лампочками. Подержал в руках шлем, опутанный проводами.

– И что, работает?

Учитель смущенно поскреб макушку:

– Нет пока... – И тут же с жаром добавил: – Но это – пока!

Это «пока» растянулось на долгие годы, но Пересветов уже не считал, что работает над пустой идеей. Он с головой окунулся в расчеты, схемы, чертежи и уже спустя какое-то время сам мог горячо отстаивать жизнеспособность этого фантастического проекта.

* * *

Васёна училась в обыкновенной советской школе, но вечерами всегда сживала над книгами рядом со своей матерью, Софьей Михайловной, которой одной пришлось воспитывать и обучать дочь. Толстые, с тяжелыми кожаными окладами, украшенными тонкими ажурными листами золота и орнаментом из драгоценных камней, эти книги были писаны живыми руками. И буквы в них были дивные и почти забытые, но при внимательном и вдумчивом чтении они вдруг наполнялись давно утерянными гармонией и красотой. Книги эти передавались в семье из поколения в поколение, оберегаемые, как ни одно другое семейное сокровище, сохраняемое и спасаемое в первую очередь при всех войнах и пожарах не одну сотню лет. И еще Васёна знала, что когда-нибудь ей доверят чтение Первой книги. Той, что была писана на нетленных золотых листах и хранилась в монастыре за семью печатями. Конечно, их родовые книги тоже были древними, и листы их, пожелтевшие от времени, рассказывали и пересказывали не только историю рода, но и истории давно минувших событий и войн. Но та, Первая, которую видели глаза Ярослава Мудрого, была ее путеводной и никогда еще не виденной звездой.

Когда Васёна закончила обучение в медицинском институте, окончилось и её обучение у матери. В последнее лето, которое она должна была провести в отчем доме, Васёна не отходила от матери ни на шаг. А две недели в конце августа они провели вместе в старом монастыре. И никому из непосвященных не дано было знать, чему обучалась девушка за толстыми и недоступными стенами.

Вышла оттуда Васёна новым человеком, и уже ни у кого из родных и знакомых не поворачивался язык звать её детским именем Васёнка. Она в одночасье превратилась в Василису, которой открылось ее предназначение и которой ясны стали и силы свои, и истоки этих сил.

Будущего мужа Василисе показали загодя, потом сказали не торопиться с ответом, долго ждали. И Василиса не торопилась, хотя Владимир Пересветов понравился ей сразу. Мать видела это, но настойчиво просила прочувствовать, не ошиблась ли она в выборе:

– Тебе от него детей вынашивать, кровь нашу и слово наше им передавать. И хоть вас, сохраненных, становится все меньше, выбор у тебя еще есть. Думай, чувствуй, решай. А то, хочешь, остальных покажу? – Мать испытующе смотрела Василисе в глаза. Та, смущаясь, отрицательно качнула головой:

– Этого выбираю, мама. По сердцу он мне. Для него ведь меня растили? – Теперь уже она в свой черед заглядывала матери в глаза.

– Для него, касатка, для него. И для Отечества. Вас не так много осталось, а дел, как и раньше, от края и до края. Остальное ты знаешь... – Софья Михайловна с любовью смотрела на родное, милое лицо дочери и вспоминала свое замужество, так скоро оборванное судьбой.

Василиса была очень похожа на свою мать, такая же высокая и стройная, с необыкновенно привораживающими плавными и неторопкими движениями рук. Темно-серые глаза привлекали не только своей красотой, но и необыкновенной пытливостью. Она просто не способна была смотреть мимо глаз собеседника, и в ответ невозможно было ни солгать, ни даже слукавить таким глазам. Она словно до дна высвечивала все потаенные глубины сознания, и доброта, переполнявшая ее, щедро вливалась в чужой взор... и растворялась в нем и оставалась там навсегда. Василису не только любили, но и боялись и сторонились очень многие. И всегда это были люди, с которыми, до поры, она сама не хотела ни встречаться, ни бороться. Не пришла еще её пора.

Владимира Пересветова ей показали в церкви монастыря, куда съезжались все потомки воевод один раз в три года. Мужчины всегда стояли отдельно: впереди и немного справа. Самые молодые из них толпились сзади старших, уже избранных и ожененных мужчин. Они перешептывались и то и дело незаметно оглядывались на небольшую стайку девушек. Каждый из них знал, что выбирать мужей будут родители, но окончательное слово было всегда за девушкой. И рассмотреть будущих невест, да и себя хотя бы мельком показать, очень хотелось. Служба длилась долго. Потом, уставшие, но с просветленной душой, они выходили во двор и собирались на вечере в обширной трапезной монастыря. Вот тогда, сидя друг против друга, они могли досыта не только поесть после долгого поста, но и вдосталь наглядеться друг на друга. И каждый загадывал: будет ли он избран в этот раз или придется ждать еще долгих три года? Женихов всегда было по числу вровень с числом невест, поэтому мало кто оставался без пары. Только те, чьи сердца еще ни в ком не нашли опоры.

Владимир, один из немногих, был еще в курсантской форме, но на его левом рукаве уже желтели пять полос шевронов, предвестников первых звездочек на погонах. Остальные молодые мужчины были в званиях от лейтенанта до капитана. За столом, собравшим старшее поколение, мелькали звезды покрупнее. И жены с ними были мужьям под стать. Вдовы сидели за отдельным почетным столом, чуть выше других. Среди них была и мать Василисы, хотя черной косынки на ней не было. Она все еще была необыкновенно красива, пусть виски были белее снега. Они резко контрастировали с ее темно-русыми волосами. Казалось, какая-то странная птица раскинула белые крылья над ее головой, то ли защищая ее, то ли увлекая куда-то. Все знали, что эта красавица почему-то всю жизнь прожила одна, хотя о смерти ее мужа никто никогда не слышал. Это было той редкой тайной, о которой всем знать не дано было. Здесь каждый знал свой удел, и мужеству и молчанию учить не было нужды.

Вот тогда Владимир и встретился впервые взглядом с Василисой. И в один миг в душе его поселился покой, как будто все тревоги, все сомнения отступили навек. Он смотрел в эти серые глаза, не нуждающиеся ни в косметике, ни в кокетливых взорах, – они были такими живыми... а что же может быть красивее и привлекательнее жизни?

Свадьбу сыграли на третий день после вручения Владимиру первых офицерских погон. Венчались здесь же, в монастырской церкви. Приглашены были только Свои.

И это было еще в той стране, которая называлась СССР. Но это была их Родина и их Россия.

2002 год. Продолжение

Последние пять лет Сергей Пересветов не часто видел своих родителей. Его воспитывала бабушка, мать отца, Анна Петровна. Так уж было заведено: в их семье начинали обучение отец и мать, а заканчивала старшая из женщин. Дед появлялся дома так редко, что его появления были сродни чуду. Его мундир, украшенный погонями с большими звездами генерал-лейтенанта и множеством правительственных наград, всегда висел в шкафу как напоминание, что дед служит Родине – в первую очередь, семье – во вторую или, скорее, неотъемлемую от первой. С внуком о будущей профессии Ярослав Юрьевич почти не говорил. Он знал, что сначала юноша должен сформировать в себе только универсальные мужские качества – честность, достоинство и уважение к делу, к людям и к России. А дальше... Что ж, старший Пересветов по своему опыту знал, что его увлеченность своим делом, и увлеченность старшего сына, Владимира, не дадут свернуть Сергею с хоженной-перехоженной за века военной тропы рода Пересветовых. Но в глубине души Ярослав Юрьевич мечтал, чтобы Сергей служил рядом с ним. Вот так, плечом к плечу. И однажды он привез Сергея к себе в КБ. Он показал ему даже то, о чем не подозревали там, наверху... О его последнем устройстве знали только избранные. Тайну эту берегли как зеницу ока... Сергей был потрясен. Он сразу осознал ту меру доверия, которую оказал ему дед. И если его и раньше не посещали сомнения в верности выбранной профессии, то теперь в нем окончательно утвердилась мысль, что он не только не имеет права, но уже и не хочет изменять предначертанному ему пути. И служить он будет, конечно, у деда! И ведь это так здорово – путешествовать по миру, не выходя из кабинета! И не просто путешествовать, а участвовать в делах... ух ты, даже подумать страшно!

* * *

Курсантские годы Сергея были украшены не только каникулами в доме деда и бабушки, но и летними посещениями старинного монастыря. Бабушка, Анна Петровна Пересветова, терпеливо оставалась ждать его в том доме, где когда-то выросла его мать, Василиса. Она ожидала его по воскресеньям вместе с другой его бабушкой, Софьей Михайловной, а он сам, переодевшись в домотканую небеленую одежду, дни и ночи напролет просиживал над родовыми книгами за толстой стеной монастыря. Он знал, что уже немногие семьи хранят свои книги дома. Их возраст, их историческая ценность и их тайна были столь дороги России, что рисковать ими...

В келью к нему входил только старенький монах. Он менял растаявшие до лепешек огарки на высокие свечи, оставлял свежую воду в тяжелом глиняном кувшине, накрытом крахмальной свежее испеченного духмяного хлеба, сладкую луковку со щепоткой соли и уходил, тихо прикрыв за собою дверь.

Сначала Сергей не понимал, зачем нужно было снимать удобный спортивный костюм и надевать вместо него мягкие и быстро мнущиеся льняные одежды? Зачем нужно разгонять ночную темень свечами, если вон она, розетка, торчит из стены у изголовья? И лампа настольная наверняка нашлась бы... И зачем нужно держать его на почти голодном пайке? Но уже на второй день, привычно устроившись над тяжелой, почти неподъемной книгой, он понял, что и удобная, как кожа, одежда, и мягкий свет свечей принесли ему не виданный доселе покой, а легкий желудок не перебивает четких мыслей первооткрывателя. Он понял, что сейчас находится в самом чреве малой своей и большой Родины, которая существует вне времен, лабиринтами событий соединяя поколения и смешивая и озаряя их мысли. И сохранить себя для них, своих сыновей и дочерей, она может, только обучая их бережному ратному делу, которое зависит не только от силы оружия и изощренных технологий. Сейчас он понял, что сила ума

и сила духа, помноженная на силу знаний своей истории, способна создать ту рать, которая нескончаемым и неубиенным строем способна защитить народ, родившийся в далекие века на этих полях, возле этих рек. И никому не дано будет уничтожить его или смешать его кровь с чужеродной кровью, когда-то соединяющейся только на земле, в битвах противостояний. Ни с востока, ни с запада не было для русского народа покоя. Уж больно богата была земля русская, и больно беспечен был и обленен русский народ за спинами поредевших дружин.

Кроме знаний, полученных о своем древнем боярском роде, Сергей узнал много тайн, для которых раньше не было даже места в его сознании. И такими потусторонними и таинственными казались они на фоне современной жизни... Какие-то сказочные фамилии и давно забытые в народе битвы и имена... И таинственная связь времен впервые ощутимо вошла в его сердце и заставила тревожно вздрогнуть: а что, если и ему, как и его пра-пра-...прадеду суждено будет погибнуть до срока, не успев завершить предначертанного? Но он тут же одернул себя, решив, что сам себе противоречит. Что предначертано – то и сбудется. И вдруг одна строчка, писанная знакомой до боли рукой, прозвучала для него, как гром среди ясного неба. Буквы и слова были современные и обращены они были к... нему! «Сергей! Ничего не бойся! Тебя ждет великое открытие! Господь будет с тобой!». Сергей испуганно встал и еще раз прочел такие четкие среди старинных букв слова. И в этот миг он понял, что они были написаны его собственной рукой. Он почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом, потому что ясно сознавал: сам он никогда не писал таких слов, тем более в недоступной ему ранее старинной книге.

Раздался стук, и в дверь вошел уже знакомый келейник. На этот раз он не стал уходить сразу, а, поклонившись Сергею, с почтением сказал тому, что того ждут, и Сергею надлежит немедленно пойти с ним. Сергей почему-то необыкновенно взволновался, он сразу же постарался отодвинуть свои шальные мысли о собственном письме на страницах впервые увиденной им книги, потом разгладил на себе мягкую ткань рубахи, пригладил непослушные черные вихры и пошел за стариком след в след по узким нескончаемым лабиринтам монастырских переходов.

Идти им пришлось долго, иногда крутые ступени уводили их далеко вниз, в самое сердце подземелья монастыря, потом опять узкие, двоим не разминуться, проходы вели в полутемные разветвленные переходы. Иногда казалось – еще миг, и стены сдвинутся и раздавят хрупкие человечьи кости. Но впереди всегда взмаргивал огонек, даря свет и надежду на конец пути. Сергей понимал, что его ведут по тайным переходам, по которым не ступает нога непрошенных гостей. И за все века, наверное, не ступала никогда. И никто снаружи не мог угадать эти переходы. Они наверняка выглядели как толстые стены и, скорее всего, их существование вообще невозможно было заподозрить. Иногда единственным ориентиром в пути был только слабый отблеск седых волос старика. Сергею не было страшно, он понимал, что окунается в многовековые тайны, в которых случайных людей не бывает. Только Свои. А он уже знал, что он – Свой. И почему-то вспомнилось посещение лаборатории деда. Там была современная тайна. А эта – какая? – та, что ждет его впереди.

Наконец, длинный переход был пройден. Они стояли около низкой, едва до плеч, дверью. На короткий стук послышался приглушенный голос. Келейник распахнул перед Сергеем дверь и тут же исчез, как растаял, в длинном переходе. Сергей, послушно согнувшись почти до земного поклона, вошел в келью. Потолок в ней оказался неожиданно высоким, да и сама она была вчетверо больше той, где весь месяц жил Сергей. Он еще не успел как следует рассмотреть её обустроенность, как слева от него раздался приглушенный бас. На просторной деревянной скамье, крытой старым овчинным лоскутом, сидел в такой же, как у Сергея, одежде, неожиданно высокий и худой, как церковная свеча, старик. И бас, извергавшийся из затерянного в густой и сизой бороде рта, совсем не подходил к его почти высушенному годами телу.

– Поклонился ты, молодец, хорошо. Покорно поклонился и с достоинством. – Старик встал на свои худые спичечные ноги и подошел к Сергею близко-близко. Они оказались одного

роста, только плечи Сергея были по-молодецки развернуты во всю ширь, а худые стариковские уже согнулись в дугу. Сергей подумал, что если бы старик выпрямился во весь свой рост и расправил свои похожие на опущенные крылья плечи, то поднялся бы, пожалуй, выше Сергея на целую голову. А старик все смотрел юноше в глаза, и у Сергея внезапно заглохло между лопатками. Казалось, он смотрит в такой колодезь времени, что дна не разглядеть и звука капли не расслышать. И еще глаза старика были до болезненности знакомыми и почему-то родными.

– Дай наглядеться на тебя, внучек. – Он развернул Сергея к свету, заливавшую келью через высокое стрельчатое окно. Руки старика оказались неожиданно сильными и цепкими. Сергей послушно повернулся к свету и в тот же миг оказался в объятиях старика. И вырываться ему совсем не хотелось. От волос и бороды незнакомца пахло чем-то родным, луговым. И это казалось несовместимым с акцентом, который звучал в старинном ладе русской речи. Акцент выдавал старика с головой, было видно, что он всю свою жизнь говорил по-английски. Старик закивал, как будто Сергей произнес все эти мысли вслух.

– Я ведь дед тебе, Сережа... – старик смаковал русские слова и имя внука, как давно забытое лакомство. – Иван Львович. Я – отец твоей матери, Василисы.

Старик подошел к скамье и устало, как будто из него неожиданно вытекли силы, сел на мягкую подстилку. Руки его, жилистые и покрытые бурыми старческими пятнами, были все-таки привычно холеными. Сергей смотрел на них и понимал, что тяжелого физического труда они не знали. И все же весь облик старика говорил о многотрудной жизни, прожитой в неустанной работе и напряжении. Старик показал глазами на деревянное кресло с высокой спинкой, застланное такой же овчиной, как и скамья; Сергей сел и почему-то приготовился отвечать на вопросы. Но старик еще долго молчал и ни о чем не спрашивал. Наконец, будто собравшись с силами или подобрав слова, он заговорил:

– Мне было предначертано служить отечеству в стане врага. самого сильного, пожалуй, за все времена, врага. Служба моя началась в пятьдесят третьем, а закончилась четыре месяца назад. Там, в Вашингтоне, сейчас есть моя могила. Но в ней, конечно, не мой тлен. Так, несчастного бродяги, который умер от смешного для русских морозца. Он в первый раз, наверное, лежал на шелковых подушках, и гроб его мягко устлан. И костюм на нем, и белье с моими метками. А я, как видишь, здесь. Я вернулся, наконец... и бабушка твоя, Софья Михайловна, дождалась меня. Не моя воля была жить такой судьбой. Но князь Ярый решил, и мне пришлось оставить тогда и жену, и дочь...

– Князь Ярый? – неожиданно для самого себя Сергей перебил медленный монолог деда. Он всегда знал это имя, и знал, что Ярому в Братстве Своих во все века принадлежала абсолютная власть, и все были обязаны подчиняться ему беспрекословно, но неожиданно мысль перескочила, и он спросил уже совсем о другом: – А как же бабушка? Почему ты оставил ее здесь? Она что, английского не знала?

Дед усмехнулся и медленно покачал головой:

– Не знала... конечно, знала. Ты же знаешь, как обучены наши жены. Только нельзя тогда было... по многим причинам. Да и мама твоя родилась, растить ее надо было. И растить на русской стороне, среди русских. А предначертан-то твоей бабушке был совсем другой жених, отличный от меня. Мы ведь и поженились-то не по выбору родителей. Ее для другого воеводы растили. Но она выбрала меня... – в его голосе прозвучала незабытая гордость за давний выбор своей невесты. Он помолчал и потом грустно добавил: – Нас повенчали, но перед венчаньем упредили, что жизни семейной нам отпущено всего три года. И все равно Софьюшка не оторвалась от меня. Да и потом проситься на другой выбор не стала. Хотя знала, что вряд ли жизнь сведет нас еще раз.

– Дедушка... можно мне называть вас так? – Сергей спросил невольно, потому что чувствовал: дед стоит неизмеримо выше на иерархической лестнице Воеводининых потомков, чем стоит сейчас он сам.

Иван Львович ласково глянул на Сергея и сказал:

– Ты – моя нить. Тебе – можно.

– Какая нить? – Сергей с любопытством и просыпающимся чувством необыкновенного родства смотрел в глаза деду. Он только сейчас понял, что так потрясло его во взгляде деда при встрече. Ведь это же его собственные глаза смотрели на него! Именно так они и будут выглядеть лет так через пятьдесят-семьдесят.

– Мы все – часть жизненной нити от предков к потомкам. И нить эту никому не дано прерывать. Но дедом ты меня будешь называть только тогда, когда будем с тобой одни или в кругу своей семьи. При других обстоятельствах я для тебя – господин князь Ярый... да, да! Теперь пришел мой черед, я – Ярый.

Еще долго беседовали молодой боярин Пересветов со своим дедом, старейшим воеводой Иваном Львовичем Можаевым. Уже и солнце исчезло за густым перелеском, и прохлада стремительной волной вкатилась через узкую прорезь распахнутого окна, а они все сидели и неспешно, как по полочкам, раскладывали события своей жизни и жизни своих родов, которые уже не в первый раз за века сплетались и разбегались в разные стороны. Как и многие другие нити непрерывных древних воеводининых потомков, чтивших свои заповеди. Но как бы близки или далеки не были эти нити, это были нити одной пряжи, скрученной натуго – не оборвать. А если б оборвались – не миновать беды, а то и погубили земли русской.

Перед самым уходом Сергей вдруг вспомнил о странных строках в своей родовой книге.

– Князь! Я прочитал строки... – Он вопросительно смотрел на Ярого и мечтал, чтобы предчувствие удивительного чуда оказалось явью.

– Письмо от тебя самого? – Ярый почему-то весело улыбнулся и успокаивающе положил ладонь на плечо внука. – Ты все поймешь позже.

– И я не сошел с ума?

– Нет, это действительно твоя рука написала это письмо. Давным-давно. Но в настоящем времени ты их еще не писал.

Сережины глаза округлились, но он почему-то больше не стал задавать деду вопросы. Он знал, что больше ему ничего пока не скажут.

* * *

Генерал-лейтенант Ярослав Юрьевич Пересветов уже полгода чувствовал, что за его изобретением идет настоящая охота. Но хуже всего было то, что ему стало казаться: он создал свое детище в самое неблагоприятное для России время. Сегодня продавалось всё и всем. И – всеми. Никогда предательство интересов собственного государства не было так широко и так ненаказуемо, как сегодня. Собственно, само предательство стало самым распространенным товаром. Пересветов с ужасом сознавал, что больше всех предают как раз те, кто был избран народом защищать интересы этого самого народа. Слово «продать» стало уже нарицательным именно потому, что продавались совершенно непродávаемые открытия и изобретения. Но то, над чем работал Пересветов... нет, об этом даже подумать страшно! И дело здесь не только в том, кто именно изобрел нейропульсар, а в том, что он должен был находиться только в руках миротворцев.

На самом последнем этапе работ, проводимых в его лаборатории, он понял, что среди его сподвижников, среди ученых и инженеров лаборатории кто-то произвел привычный для нашего времени мен: секрет – деньги. И то, что секрет этот может стоить миллионы жизней или Жизни как таковой вообще – ни продавца, ни покупателя не волновало. И государственное

око тоже не дремало. Только оставаясь в своем кабинете, Пересветов мог с облегчением перевести дыхание. А, может, зря? – может, и здесь понатыкано «жучков»? Сегодня, в день десятой годовщины смерти своего друга и учителя, погибшего вместе с помощником на пороге собственной лаборатории, Пересветов как наяву увидел страшную картину. И как никогда понял, что тогда у Своих не оставалось выбора. Наверное, они так же чувствовали за спиной горячее дыхание слежки. Им повезло – они успели увезти и спрятать до поры чертежи и первый экспериментальный образец нейропульсара. И погибли с сознанием сохраненной тайны. И работы после их смерти, как все считали, были прекращены. А боль... что ж, таких людей, как его друзья, болью не удивишь, и их не запутаешь. Пересветов был уверен, что они и звука не произнесли...

Ярослав Юрьевич вздохнул и погладил пальцами рамку с фотографией своей семьи. Он никогда не жалел, что согласился возглавить лабораторию. Да он и не волен был тогда отказывать. Одна поездка к Ярому – и он получил это назначение. Да и ему в те годы казалось, что пришла новая власть, способная, наконец, поднять Россию с колен. Но власть, набрав, как никогда, фантастических долгов на много поколений вперед, пустила их по ветру, не вложив ни в одно разумное дело. И все вернулось на круги своя... Народ привычно нищал, а новоявленные русские миллиардеры с очень честными лицами так же привычно крали. И самая черная «грязь» текла с отмывания этих русских миллиардов.

Пересветов поднял глаза и взглянул на портрет молодого президента России. Острый и даже колючий взгляд нравился ему. Но что скрывалось за этим взглядом?

Позвонила секретарша и сказала, что в приемной его дожидается «какой-то» майор. По ее тону и растянутому «ма-а-а-ёр» Ярослав Юрьевич понял, что майор Любочку заинтересовал. А майор, тем временем, скромно сидел в уголке роскошного кожаного дивана в своей полевой, старой и застиранной форме. Он, наверное, стеснялся своего затрапезного вида и краснел под взмахами ресниц хорошенькой секретарши Любочки. Когда его пригласили, он почти с облегчением спрятался от ее оценивающего взора в кабинете Пересветова. Там он сразу же переменялся, и уже не на форму смотрели глаза, а на невысокого, крепкого в плечах офицера. И руки его перестали смятенно мять пилотку, которая одна была единственной новой вещью во всем скромном его гардеробе. Он четко, но почти бесшумно подошел к столу Пересветова и таким же четким и сдержанным, как его шаги, голосом представился:

– Майор Лютов! – Потом он молча взял из его настольного письменного набора карандаш, и два раза черкнул на маленьком листке бумаги: крест.

Пересветов понятиливо кивнул головой, а майор написал дату: послезавтрашний день в полночь. Ну что ж, он успеет добраться до монастыря, но вот как быть с его молчаливыми непрошеными охранниками? Майор понятиливо откликнулся на его мысли и опять что-то коротко написал. Пересветов прочитал: «Сейчас, женский туалет» и хмыкнул. Ну да, в женском туалете его вряд ли станут искать. Он, кстати, второй день был на ремонте, и из него был выход на забытую лестницу черного хода. Майор подождал, потом молча скомкал листок и бросил его в пепельницу. Огонь лизнул клочок бумаги и съел его в один миг.

Пересветов не знал полномочий и степени осведомленности майора, поэтому не мог спросить, надолго ли он уезжает. Но у него почему-то было чувство, что – насовсем. «Нет, не может быть! – старался он перебить свою интуицию. – А как же нейропульсар? Что, я должен оставить его вот сейчас, когда о нем уже узнал кто-то совершенно сторонний?»

Но у майора интуиция была, по-видимому, не слабей. Он успокоено коснулся руки Пересветова, а его глаза как-то сумели сообщить генералу, что обо всем уже позаботились. Конечно, Пересветов знал, что он в лаборатории не один. Здесь было еще трое Своих. А это, по нынешним временам, немало.

Майор вышел из кабинета и вдруг улыбнулся Любочке так светло и широко, что она еще долго смотрела на закрывшуюся за ним дверь. Она уже жалела, что так и не смогла разговорить необычного посетителя. Любочка вздохнула и опять лихо забарабанила по клавиатуре.

Генерал вышел из кабинета и негромко бросил ей:

– Я сейчас.

Девушка кивнула и опять опустила голову над работой. В широком коридоре никого не было. Да и какая нужда в присутствии охраны, если две камеры, вращая любопытными головами, сообщали дежурному о каждом передвижении. Ярослав Юрьевич постоял у двери, как будто снимая с кителя невидимые соринки, потом, дождавшись, когда обе камеры повернутся в разные стороны, почти бегом пересек несколько метров до тупика, где находился тамбур с двумя входами: в мужской туалет и в женский. Здесь камер не было. Еще раз оглянувшись, Пересветов распахнул дверь и через минуту уже спускался по лестнице запасного выхода. Слесарь, звеневший в кабинке разводными ключами, даже не оглянулся на бесшумные шаги.

Через пару минут старый «уазик» стремительно умчал Пересветова на окраину города, на маленький аэродром, чтобы еще через полчаса он уже смотрел на город с высоты птичьего полета. А сзади, возле двух небольших ящиков без единой надписи кроме надписей «Верх» и «Не кантовать», дремал майор. Он время от времени улыбался во сне, как будто ощущая на себе взгляд больших карих глаз Любочки.

1043 год

Семнадцать лет минуло, как Великий князь Ярослав сел на Киевский престол. Вроде и власть ему больше не с кем делить, и утверждаться не перед кем, а не было покоя в душе князя. Он вспоминал, что только однажды ему показалось, что земля уходит у него из-под ног. В тот год, обделенный им в наследном после смерти отца дележе, младший брат Мстислав не захотел оставаться хоть и в дорогом его сердцу Тмутараканском княжестве, но очень уж отдаленном и малом, и пришел незванным в Чернигов. Но как сказать, незванный... Не звал его только он, Великий князь Киевский, оттого и уехал сам, как будто невзначай, в свой любимый еще по первому княжению великий Новгород. Уехал как будто в гости. А Чернигов, тем временем, встретил младшего брата с распростертыми объятиями и, что гораздо опаснее, с распростертой душой. И утвердился на Черниговском престоле брат, непрощенный им и незванный. И не так жалко было Ярославу Чернигова, как жаль было, что опять на глазах у всего народа русского младший брат послушался старшего. Что делать! Оглянешься, бывало, на советчиков, а они дремлют себе спокойно, надвинув шапки на глаза и прикрыв щербатые зевки густыми бородами. Что им княжья печаль... Народ сыт, плодovit, раздора между черниговскими и киевскими и ждать не думай. Один народ, одни у него и радости и заботы. Что им княжки потуги? Так, бойцовские забавы...

Ярослав уже и сам не рад, что добровольно не одарил Мстислава Черниговом. Что жалеть земли и людешек? Да и сыновей к тому времени у Ярослава было уже за четыре, но все еще были мало сказать, что молоды – малы. А у Мстислава-то – ни одного. Что бы ни дожидаться ему с терпением братниной кончины...! Так нет, упрямый да своевольный норов, да спящие советчики, да мудрость, которая заблудилась в собственных обильных словесах не дали сказать и сделать то, что от роду определено было говорить и делать старшему в семье. Вот уже и из Новгорода пора съезжать! Киев, небось, заждался своего правителя. Да и здесь... Недаром ведь говорят, что хороший гость вовремя съезжает со двора. А в Новгороде мало кто из приезжих не чувствует себя гостем. Но новгородцы мудры, за отца себя почитают над Ярославом. Не дали ему краской стыда заплыть перед братом, сопроводили Ярослава в великом своем числе до самого Киева. Вот, дескать, великий князь в окружении своего войска – силен и могуч. Киев хитер и спокоен. Молчит Киев. И черниговцы молчат. Что им княжки распри? Забавы...

Братья не хотят народ смешить, значит, спор надлежит решать в поле. А своих, русских-то воевод со стрельцами, подит-ка жаль. Хорошо Мстиславу, тот привел с собой пришлохазаров да печенегов – своих, прирученных, да малое количество не ожененных мужиков, охочих до драк. Но и Ярослав хитер, он привел с собой варягов кровь проливать, да небольшую дружину таких же новгородских бобылей.

Битва получилась какая-то шутейная, – скоро, больше военной хитростью, чем оружием, победил младший брат старшего. Но смертью легли не шутейной все те же пришлохазары... Ну что ж, они своими смертями на хлеб зарабатывали, так уж спокон веков повелось. Кто должен был выжить из наймитов, а кто погибнуть – то сама судьба распорядилась.

А что ж братья? А очень даже любовно и спокойно замирились да и сразу общее дело для них нашлось: давно пора было отбить у ляхов завоеванные через предательство Святополка Окаянного западные земли. И русские на чужих землях, поди, истомились в плену, тоже пора назад их вернуть, на родные земли, да и еще лишку прихватить. Любил, ой любил Ярослав заселять необъятные просторы новыми земельцами. Много свежей крови влилось тогда в русские жилы, растворяясь в них и обновляя. Да и свою кровь любил старший брат посеять то там, то сям. И насмехался над своим верным другом Ярославом Ярым, что брезгует иноземными молодайками. Пересвет улыбался в усы, но перебороть себя уже не мог. До Дунечки он особо и не разбирал, где тело погреть, да к какой жаркой молодушке прикипеть на день, на

месяц, на два. А теперь даже дух их переносить не мог. Стеснялся их ручканий, прямо как девица! Да что говорить, только задумает лому в теле снять да после баньки ласки женской испробовать, тут же вот он, на памяти – Дунечкин запах: полынный, чистый, все время как будто ромашками в поле пахнет...

На западе, тем временем, земли укрепили, с юга печенег и не мечтали покидать свою Степь. Они все еще боялись Мстислава, который не забывал и о своей крепости в Тмутаракани. Но планы у Великого Ярослава велики: на восток уводил свои дружины так глубоко, как никогда до сих пор. Места нехоженые, дикие. И народы незнакомые и – тоже дикие. Но иногда Ярослав и сам задумывался: может, и мы, русичи, им дикими кажемся? Ведь живут лесовики в порядке, устои у них древние, простор для охоты и рыбной ловли небывалый. Какими могут казаться набегчики? Чужими, дикими... Но эти мысли приходили не часто, не останавливая ни его, ни войско. Обижать никого не хотелось. Наоборот, кормили коренных невиданным здесь хлебом, взамен получали мяса и рыбы столько, что ни съесть, ни увезти не могли. Столбили новый край земли русской, а на следующую-то весну отодвигали вешки еще дальше. Знал Ярослав, что восточный край – великая казна для будущей Руси. И то сказать – непуганый пушной зверь только что сам в руки не идет, с ветки на ветку мечется, ажник в глазах мельтешит. Рыбы... да только руку в воду опусти, такая щекотка – скользят туда-сюда, толкаются холодными непугаными телами. А в лесах кабанов, лосей... да что говорить – восточный край, сбереженный от запада русскими спинами, стоял на одиннадцатом веку от рождения Христова нетронутым, богатым... и без хлеба. И жители, как доверчивые белки да собольки, черными глазками моргают, кажется, только улыбаться и умеют. А мысль все одно тревожит: как удерживать эти земли в руках русских? Как не допустить сюда жадную степь да голодных западников? Мыслил Ярослав, что и крепости нужны, и новые поселенцы. А русского народа, оказалось, не так и много чтобы было. На старых, дедовых землях всем места хватало. А кем новые уголья заселять? Вот и приходилось и уговорами, и приказами насаждать русское семя далеко на восток, до глухих и нехоженных Уральских гор. А для подмоги в ратном и крестьянском труде награждались тамошней землей пришлые да пленные. Каждый становился хозяином большого куска пахоты да охотничьих угодий. Так возле каждой крепостцы и разрасталось городище.

Хорошо строилась Русь в одиннадцатом веке. Не только Киев красовался каменными церквями да домами. И дальние крепостцы – тоже. Да каждая постройка сама перед собой гордилась: кого зодчий на особый лад краше задумал да краше построил. Как живые стояли с раздутыми боками церковки и блестели невиданными до сих пор прозрачными слюдяными невеликими оконцами.

Дальние крепости тоже воздвигались сразу с церквями, с высокими стенами, с заградительными рвами. И Воеводины хоромы возводились на века: кедр, неведомый до сих пор русским строителям, – в объёме трем мужикам рук не сцепить, душистый да на всякую мелкую древесную тварь неподатливый. Терема такие ставились, что из верхней светелки далеко над лесами можно было сизую дымку наблюдать. И для хлебов поля нашлись. А где не нашлись, там расчистились. Коренной народ на земле работать не хотел – труд кропотливый и тяжелый, а урожай когда еще будет. Это ведь не охота: подстрелил лося либо кабана – съел, поймал рыбу – тут же на угольях и испек. Но хлеба хочется, ой как хочется, а за хлеб столько шкурок нужно принести, что каравай слаще меда кажется!

* * *

Так вот и жила земля русская, строилась, растила хлеб да детушек. И Дунечкины детки подросли. Старшего, Игоря, так смолodu и посадил Киевский князь на восточном рубеже в новенькой крепости. И молодую жену ему нашел из восточных княжон, кареглазку да черноволося. И приданого за ней столько высватал, что кедровые сундуки наполнили весь подвал под

новыми светлицами. И недели не хватило новобрачным, чтобы замки по очереди пооткрывать да на камень, на золото да на серебро насмотреться.

Игорь крепился, хоть по родной стороне и скучал, а жена его, совсем еще молоденькая, слез не лила. Давно ей пора было замуж выходить, чуть не состарилась под отцовским доглядом; еще бы год – и уже семнадцать, а там кто перестарку замуж возьмет? Но молодое дело – быстрое. Сладились – слюбились. И сразу не страшно стало молодой жене. Так же, как когда-то свекровь, держалась поначалу за мужнину рубаху. Подержалась, подержалась да некогда стало. Бабух-то дел в избе, поди ж, переделай-тка! А страхи... Страхи были только, когда рожать пора было – оно, конечно, страшновато поначалу. Да еще когда лиходеи насакивали. А осаждали они крепостцу не единожды. Даже имени того народа, на суетливых мохноногих лошадах, Игорь никогда не слыхивал. Но – выстояли, отбились. Хотя и своего народу положили немало. А тут и весть из родной стороны: собирал Киевский князь всех воевод земли русской. Собирал на совет. Мнилось Ярославу, что не крепостями сильна Русь, а воеводским племенем. И сыновей после его смертушки вразумить да поддержать в трудную годину кто сможет? То-то: воеводы да воеводины дети. По тем временам многие бояре были на службе у князей. Все мыслили себя воеводами, да не каждому по чести это было, да по уму, да по характеру. Вот так и замыслил Ярослав объединить мысли и долги воеводские перед ним... да нет, неправильно сказано, – перед Русью. Объединить самых сильных да умных, чтобы сами вместе держались, чтобы как нить канатная сплетался каждый воеводский род, держа в связке всех защитников и опорников земной власти на Руси. А если дело благое получится, значит – Та Власть, Верхняя, за них, за дело их правое.

Воеводы съехались к началу лета. Все съехались, кого позвал. Были и молодые, задиристые, были усыпанные серебром седины, а были совсем как лунь – выбеленные годами и ратным трудом. И говорил с ними Киевский князь всю вечернюю зарю да всю ночь. Говорил о Руси, об обычаях дедов и прадедов. Говорил о том, что так богата земля русская, что века и века будет дразнить это ворогов и заставляя завидовать русскому народу. И чернить будут этот народ, чтобы собственный стыд да совесть свою залеплять обзывными словами, что, дескать, недостойны русичи богатства такого. Ленивы да глупы, да зачем им столько, распоряжаться, де, не умеют. Надо, де, их учить, как жить да как богатство тратить. И власти будущей не мог угадать даже премудрый Ярослав. Власть власти рознь. Времена уйдут, князья уйдут, все переменится. Только русская земля останется на века такой, какой она сейчас у каждого пред глазами в пути-дороги пролегла. И сохранять эту землю вместе с ее людьми да богатствами щедрыми надлежит племени воеводскому. И еще сказал Ярослав:

– И должны вы семя свое сберечь да не распылять. И связь через времена сохранять. Книжники чтобы ваши вели родовую нить, родовую честь. И чтобы потомки ваши через века могли заглянуть и в нашу глубь. Кто от своих корней далеко не уходит, крепче на земле держится. А не сбережете Русь... Нет, такое даже помыслить не могу! Божий мы народ, и Господь наш Спаситель в веках поможет оградить нам Русь и с Запада, и с Востока. Но было мне, воеводы, видение большое да страшное: открылось мне, что самая главная и противная нам сила еще не народилась. А будет она таиться и наливаться злом против Руси далеко от наших краев. Великое противостояние грядет на нашу землю. И ничего мы не можем сделать для наших потомков, кроме оставления им памяти да крепости духа. А ведь виделось мне и то, что никто, кроме русичей, не сможет устоять против власти той темной да хитрой. Власти, что поперед Божьей воли захочет бежать. Но виделось мне, братия, и то, что внуки наши далекие осияют и эту беду. Виделось мне однажды, что смог я заглянуть в те времена далекие. И видел я, что жива Русь, и жив русский народ. И потомки наши живы, хотя многие из них не удержали нить рода, упустили, рассеялись... Так подмогнем же, воеводы, далеким нашим сынам созданием крепкого Братства и единства нашего! Будем начеку стоять на страже Руси нашей светлой, чтобы знала она только одну волю – Господа нашего!

Ярослав говорил долго, не позволяя перебивать себя ни словом, ни вздохом. Но и воеводы, слушая князя, каждый видел за собой тот клочок малой родины, что обязан был оберегать от напасти. И гордился, что причислен к великому племени воеводскому. Молодые радовались, что принадлежат теперь к Братству сильному и тайному, а старшие все больше горбились под гнетом ответственности. Ответ-то держать перед нерожденным народом ой как строже да тяжелыше, чем перед тем, который по улицам ходит. Ходит такой привычный: хлеб жует, медовуху пьет, баб забижает али любит, детишек родит, стариков хоронит, на торгу горло дерет да в церкви поклоны бьет. Вроде обычный народ. А тот, что после них будет, какой он родится? Страшно все это и весело. Ой, как весело...

Задумывались мужики, а Ярослав все говорил и говорил... Потом подозвал к себе своего друга, забеленного уже сединой не меньшей, чем Киевский князь.

– Вот вам первый князь Ярый. Слушайте его. Он вам строгий отец. И заботный. Меня не станет, он вам вместо меня указы давать будет. А его не станет, новый Ярый у вас будет. Ваш Совет Братства его и изберет. И никто над вами больше не стоит. Только Бог, а до него – господин князь Ярый. Власть мирская меняться будет, а ваша – никогда. Сами решайте, кого поддерживать, кого осаждать. Одна у вас задача на века – беречь Русь от врага и от глупого правленья. Не теряйте свою нить. Нельзя вам теряться. Ни во времени, ни в краях наших просторных. А чтобы сила у вас была не только в Божьем, но и в земном, надлежит учредить казну особую. Для затрат на Братство Своих. Чтобы у потомков ваших черного дня не наступило. И для того назначаю князя Обережного, который за казну головой и честью отвечать будет. И первым Обережным воеводой будет... – Ярослав обвел глазами всех собравшихся и неожиданно произнес, тыкая сухим пальцем в юного сына друга своего: – Воевода Игорь. Отныне он – первый князь Обережнов. И власть, и ответ за казну будет передаваться по его родовой нити. Тяжкий труд, но верю, что всё вынесете и исполните.

Все замолчали, обдумывая столь долгую княжью речь. И каждый взвешивал: а стоит ли столько трудов и столько сил тратить на будущие времена, на не рожденных сопливых мальцов и девок? И всех своих сыновей и внуков своих до немыслимого колена обрекать на тяжкий ратный труд? Но вспоминалась всем земля родная и ответ за нее, о котором не каждый-то день и задумывалось... Да, стоит! И вслед своим расчетливым думам, задиристо – мысли о врагах: а не замай на наш каравай! Знал, знал Ярослав, чем распалить да утвердить в своих задумках мужиков.

И под утреннюю зорьку, под едва слышные петушинные всполошные крики поклялись полета воевод клятвою нерушимой верности Руси, клятвой молчания и сохранения тайны единства и подчинения, обета сохранять семя свое, не распыляя, и научая сыновей своих и внуков. И целовали на том крест святой да Первую книгу Братства Своих, собранную меж золотых листов. Книгу еще чистую, отмеченную едино их именами. И каждый гордо целовал золотой оклад, который будет века хранить их целовальную запись.

– Потрудимся, братия! А там – как Господь даст. В путь и – с Богом!

И странно было Игорю обниматься с отцом и знать, что он теперь не просто отец – князь Ярый. А сам Игорь теперь – князь Обережнов. А братья-то как же... ах да, они по-прежнему все восьмеро – Пересветы. И знал Игорь, догадывался, что неспроста рассчитывал Киевский князь на молодую поросль. И грамоту знали почти все молодые дружинники да воеводские дети, и молодого задора не жалели для нового дела. Кто ж не захочет оставить свой след для далеких потомков? Чай, в Книгах-то родовых их по именам величать будут. И все твои подвиги не забудут перечесть. Вот уж стыдно будет в поле спину врагу показывать! Книжники ведь пощады не дадут – распишут так, что красной макушкой стыда покроются еще не названные и не задуманные никем внуки... Знал, знал Великий князь, чем взять молодую воеводину поросль...

Ехал Игорь домой, думы думал да земли русские рассматривал как никогда раньше. А в висках стучало: Обережнов он теперь. И казалось ему, что не только тайную казну собирать да

оберегать ему доверили, а весь этот широкий да светлый простор. От края и до края! И такая гордость и радость подымалась в его груди! Ох ты, мать честная, а ведь не случайно и не на пустое дело он, видать, родился! Ах как весело, ах как славно-то жить на белом свете!

* * *

Минул год, минуло еще два, а по воеводину терему Пересветов бегали уже два одинаковых, как грибы-боровички, мальчика. Оба чернявые да черноглазые – в мать, в Елену, – по крещеному имени. А третий, богатырского сложения белокурый малец, уже пробовал сам на ножки вставать да за братьями топать. И видела мать, что сильно мужнино семя: одного роста со старшими был Димитрий, год-два пройдет, поборет, пожалуй, боровичков-то.

А Игорь сам смеется, да каждую ночь все ласкается да ласкается... Давай-де, мать, еще зачнем, смотри, мол, каки славные мужики у нас замешиваются. Мож, еще тройку-другую наделаем, пока снег за оконцем? А то и девок маненько, тожа ведь люди. Рожать-то кто будет-ча?

Смеялась Елена. Смеялась да к мужу ластилась. Ой и короток век бабий, ой успеть надотка нарожать заботников да защитников. А и доченьку тоже хотца. Таку беленьку да синеглазеньку, как ее муж.

Годы шли, а девоньки все не было и не было, уже и старшие боровички обучены письму да ратному делу, и младший – осьмой – уже от сиськи отвыкает. Мож, в последний разок чей-то другое родится? Вздыхает уже Елена, а схватки-то так уж больно толкаются! Так уж замучили, сердешные... Елена уже и не ойкает и не плачет, сама повитуху-то позвала, и сама сказала девкам баньку-то истопить. Как же! Там не каждое дитя зачинается, да каждое родится.

Отстонала Елена, открычала осторожно так... Стыдно сильно-то кричать – ведь не молода уже, чай, двадцать осемь, какие уж тут крики-та! Вот уж и головка маленька показалась. Беленька кака! А волосики-то каки длинные, так и вьются по мокрой спинке. Вот и последнее усилие, и – выскользнул из утробы дитенок, да чей-то не кричит.

Елена испуганно смотрит на повитуху, а та знать – улыбается. Пуповину-то ловко так перевязала, обрезала и дает Елене скользкое да теплое тельце. Волосенки-то у ребеночка уже просохли, золотыми кольцами блестят, на глаза налезли. Елена-то отодвинула волосы, а под ними... глаза открыты, да таки бездонны, таки...! Показалось Елене, что из другого мира кто-то на нее глянул. Да так хорошо и ласково глянул, что зашло в любви ее сердце, и прижала она ребенка к груди, как самое драгоценное да самое разлюбимое. И забыла посмотреть, что там – под мягким розовым животиком? А там девонька – вот что! И девонькино лоно новое. И подарит оно своему будущему мужу, воеводе Новгородскому, Алексею Севрюкову, по пять сыновей да по пять дочерей. А сейчас забыла, видать, плакать-то. Знай, сосет свой кулачок да тарашит на свет Божьи глаза.

А будущий ее суженый уже уздечку в кулачке своем зажал да пяточками в бока коня тыкает, строжится: «Тпру!» да «Тпру!». Шапочка соболья на бровки напозла, мешает свет белый видеть. Пар валит из ноздрей коня, снег искрится, скрипит. Мороз тоже строжится, заставляет рукавицы до самых локотков натянуть. А нянька-то, нянька! Приседает от страха на крылечке: упаси Господь, свалится княжич, покалечится дитятко. А дядька при маленьком воеводе Алексее посмеивается, коня под уздцы все шибче и шибче ведет. Эх, хорошо! Эх, весело на родимой стороне жить!

2002 год

Сергей долго не мог уснуть. Дед, так неожиданно возникший в его жизни, занял много места и в мыслях, и в душе. Эх, отца бы сейчас сюда! Он бы помог разобраться, разложить все по полочкам. Да где он сейчас, его отец-молчун? Наверное, впервые в жизни Сергей почувствовал себя частью чего-то могучего и единого. И только малой частицы этого крепкого круга не хватало – отца. Сергей ворочался на своей узкой лежанке, не замечая ни сбившегося одеяла, ни смятой в маленький комоч подушки. Уже и свет за окном забрезжил, а он все смаргивал ресницами набегающие ночные мысли. Ох, как интересно. Как интересно да как радостно-то! Сергей чувствовал себя гордым и счастливым, как будто только сейчас осознав, что не просто так на земле он рожден, что прежде его рождения была уже задача и для него, малого зернышка большого воеводского племени! Ах как весело-то жить на белом свете!

Солнце, блеснув приветным лучом, вдруг смогло бесшумно открыть дверь. Ан нет, там чья-то рука показалась, почти невидимая в утреннем золотом свете.

– Батя! – Сергей подскочил и повис на шее отца. – Как же так, батя, я ведь только о тебе сейчас и думал, а тут – ты. Чудеса!

Владимир Ярославич обнимал сына за широкие и все равно еще такие мальчишечьи плечи. Он тосковал по тем годам, когда маленький Сережа жил вместе с ними, и видеть, обнимать его можно было по сто раз на дню. А теперь! Что – теперь? Сын мужает, у него началась своя собственная жизнь, подчиненная уже не родителям, а, как и у него самого, и у всех его предков, князю Ярому. А хорошего молодца вырастили они с Василисой, будет чем погордиться перед новым Ярым!

– А мама? – Сергей как будто угадал мысли отца о матери. Надо сказать, это свое семейное наследное качество все Пересветовы знали. Их интуиция, почти чувственное чтение чужих мыслей поражали даже близких. Владимир Ярославич знакомым с детства движением взъерошил волосы на голове сына:

– Мама? А маму новый Ярый вызвал... – Он и сам удивился, почему первой позвали Василису. Ведь «Витязя» доработал и уберег он. И это он один может работать с ним. Он и Ирочка. Правда, опыт был всего один. Но удачный опыт. А то, что после него голова побелела... Что ж, от того, что он увидел, голова побелела бы даже у Сергея! Хотя, молодежь такая сейчас... ничем их не удивишь.

Сергей смотрел в глаза отцу и понимал: тот еще не знает, что новый Ярый – отец матери. И почему-то решил ничего не говорить. Да, сдержанность всегда оправдывается. Негоже мужчине торопиться и с суждениями, и со словами. А он уже мужчина!

На тихий стук в дверь они обернулись разом, повторив какое-то одно им присущее движение головой. Знакомый старик коротко поклонился и пригласил их за собой. И длинный путь они прошли так же молча, как вчера прошел один Сергей. Только на этот раз в самом извилистом изгибе лабиринта навстречу им попался книжник. Видимо, Ярый закончил утреннюю работу над летописью, которая вот уже одиннадцатое столетие непрерывно велась за этими толстыми стенами. Только трижды прерывалось писание: в первый раз едва успели укрыться от монгольских войск, нежданно набежавших на их отдаленные северные края. Так и сидели книжники в подземелье, замурованные вместе с книгами, целых пять месяцев. Второй раз – в девятнадцатом году прошедшего столетия, когда только одни книги замуровали на долгие десять лет, а казалось – на века. И в третий раз, когда немцы в сорок втором спалили все деревянные постройки, но найти лабиринт так и не смогли. Но что-то они знали о монастыре, что-то знали...

Да, последнее столетие ой как отличалось от предыдущих. И если б в хорошую сторону... Владимир Ярославич шел по давно нехоженным коридорам, его плечи привычно не помещались

в нескольких узких местах. И он так же привычно бочился, почти протискиваясь все дальше и дальше, к той заветной келье, за дверью которой вершилась судьба каждого воеводы и, может быть, России.

Дверь отворилась на звук их шагов, и кто-то басистый, оборвавший речь на полуслове, ждал их там, за низкой дверью. И сердце у Владимира Ярославича почему-то подскочило высоко к горлу. Уже склоняясь в привычном поклоне, он увидел носки туфелек жены, а рядом – босые ступни, с наслаждением распластавшиеся по домотканому половичку. И сердце догадливо откликнулось:

– Неужели?! – На него действительно смотрели глаза, виденные им только однажды – на маленькой фотографии, хранимой только здесь, за высокими стенами.

Мужчины молча обнялись, как будто не раз виделись раньше, и судьба просто надолго разлучила их дружбу и их родство. Им не нужно было ничего объяснять, они знали друг о друге пусть и не все, да главное.

Владимир Ярославич отстранился, с гордостью протягивая руку в направлении сына. Ярый рассмеялся и обхватил правой рукой внука:

– Что, не проговорился отцу? Удержал язык? Молодца! – Он с силой, необычной для такого старика, обнимал зятя и внука, а Василиса прижалась лбом к его спине и только молча всхлипывала, выплакивая свою детскую, а потом и взрослую тоску по отцу.

– Вы простите меня, родные, что встречу пришлось здесь вот, за стенами... – Ярый явно не находил слов. – Но нельзя нам пока на людях. Я ведь умер для всех давно. И здесь теперь новый человек, незнакомый никому. Вот, два месяца бороду растил, и не знал, что так долго... – Он вдруг смутился и сказал: – Вы еще немного потерпите... Соня, Сонечка сейчас...

А в ответ тихий и спокойный голос:

– Я уже пришла, Иван. Здесь я, с тобой. – Софья Михайловна стояла, блее беленых стен. И яркие глаза ее были сухи. Видно было, что им сначала не позволяли плакать, а потом они просто отвыкли. И больше не смогут, наверное, никогда...

Иван Львович тихо и покорно опустил перед женой на колени и вложил свою голову в ее протянутые ладони:

– Прости, Софьюшка, прости любая... – А голова уже упиралась в женину грудь, потому что Софья Михайловна опускалась на колени рядом с мужем, и ростом была почти вровень с ним.

Василиса отвернулась к окну и плакала и за мать, и за отца. Она бы уже и вышла, чтобы не мешать их встрече, но отсюда, она знала, без разрешения не выходят...

Слезам, как и сказками, гостей не кормят. Прошло немного времени, и вся семья сидела позади резной перегородки, уместившись за простым столом с крепкой, но, видимо, очень старой кедровой столешницей. Прислуживал все тот же старик, который всегда казался безучастным, но сейчас даже его глаза плескали радость и сочувствие.

Угощение было по обычаю простым и сытным: отварная молодая говядина, рассыпчатый картофель, квашеная капуста прошлогоднего уже засола, парниковые огурцы и маленькие беломорские селедки. Запивали все старым яблочным квасом. За столом была тишина. Хватало чувств и взглядов. И если б мысли могли звучать, то над столом стоял бы сплошной серебряный перезвон.

– Только бабушки с дедом не хватает... и Мити, – неожиданно произнес Сергей и тут же смутился. Имя брата старались произносить как можно реже, чтобы не ранить мать. Все носило тоску по нему глубоко в сердце. И каждый надеялся, что увидится с ним еще в этой, земной жизни... И Василиса надеялась. Надеялась, но всегда помнила судьбу своей матери.

– Увидеть его хотя бы на минутку... Каким он стал? – Василиса вздохнула. Владимир Ярославич погладил ее руку, устало лежавшую на столешнице.

– Ну, с Ярославом мы сегодня увидимся. Летит уже. А вот Митю... – Иван Львович внимательно осмотрел всех своих родных, поднялся и принес кассету. Обычную кассету к видеомагнитофону. На яркой этикетке – «made in USA». Тут же была включена, наверное, приготовленная заранее, маленькая видеодвойка. Щелчок, и на весь экран – океан. И близко – два маленьких черноволосых близнеца, плещутся, смеются. Потом, испугавшись неожиданно высокой набежавшей волны, отбегают. Навстречу – чьи-то протянутые руки. Как спасенье... Смех, и, наконец, в кадре – Митины глаза. Он обнимает малышей, поддаваясь им в смешной борьбе. Но мальчики хотят утвердиться в победе и шлепаются мокрыми, испачканными в песке телами на широкую грудь Мити. Грудь отца. И вдруг за кадром чужой голос:

– Майкл, Майкл! – Митя оглядывается на камеру, смеется и машет кому-то рукой. И его английская речь... она безупречна, его понимают все сидящие за столом. Но это – чужая речь, чужой язык.

Темнота экрана настигла, как гранитная плита. Все растерянно смотрели друг на друга, потрясенные нечаянной встречей с далеким сыном и братом.

– Плохо одно... плохо – дети Митины на чужбине растут! – Ярый, полыхая глазами, сцепил пальцы рук. – Это слишком большая жертва. И мы не можем позволить её себе.

Он поднялся и прошелся по длинному половичку туда и обратно, и опять – туда и обратно. Внезапно остановился и рубанул воздух рукой:

– Дети должны расти в России! – Он не спрашивал, он просто рассуждал вслух. Все молчали.

– Нет.

Ярый обернулся на голос жены. Она встала со стула, высокая и красивая. И голос ее был единственный равный ему.

– Нет, – повторила она, – дети будут с отцом. И с матерью. Не смей их разлучать!

Она говорила тихо и как-то очень страшно. Как будто вкладывала в свои слова всю боль, что копила бесконечные годы разлуки с мужем, все годы своей женской тоски и жалости к дочери, к мужу, к себе.

– Долг! Я знаю, что такое долг. Но у мальчиков русские родители. Пусть они не знают об этом, но они растут в русской семье. И сердце их не обманешь. Это все равно – наши мальчики! – Она подошла к Ярому и положила ему руки на грудь. – Не разлучай, Ярый!

И вдруг она встала на колени, низко склонив свою красивую голову. Василиса кинулась к матери, с мольбой глядя в глаза отцу. Он попытался поднять Софью Михайловну, но та упорно стояла, преклонив колени и не глядя ему в лицо.

– Пообещай, Ярый!

И в ответ короткое:

– Нет.

Все подняли к нему головы, удивляясь и ужасаясь такому решению:

– Нет! – повторил Ярый. – Если я своих потомков терять буду, то что я смогу сказать другим? Нет, – повторил он, – Митя знал, что так будет. Он – знал.

– А Нина, жена его, она – знала? – Василиса потрясенно сжимала руку матери, все еще пытаясь поднять ее с колен.

– Да. И вы знали. – Ярый отошел к окну и стал набивать табаком свою старую прокопченную трубку. Прикуривая, он закашлялся, прикрывая сизым дымом заблестевшие глаза. Да, трудно быть князем Ярым и одновременно – мужем, отцом, дедом. И понял бы его сейчас один только Митя. А может, и Сергей понимает. Иван Львович оглянулся и внимательно посмотрел на внука. Он один не проронил ни слова. Его глаза все еще возвращались к потухшему экрану телевизора, пытаясь воссоздать в памяти уже немного забытый образ старшего брата. Он вспомнил свои утренние мысли – что так радостно и интересно жить на свете, что так радостно гордиться причастностью к большому, многовековому делу. И вдруг... Митя. Суро-

вая действительность открылась с такой неожиданной стороны, о которой он даже вообразить не мог раньше. Раньше не мог... Он уже знал, что на служении Отечеству много Своих погибло. Но это было в военные годы! А чтобы вот так, искромсать свою жизнь в мирное время! Мысли Сергея заполыхали, как пламя.

– Нет мирного времени, – неожиданно сказал Владимир Ярославич, – и никогда для нас не было. И у наших потомков еще долго не будет. Так жили наши предки, так живем мы. И жива этим Русь.

Софья Михайловна тяжело поднялась, опираясь на руку дочери, и молча подошла к двери:

– Позволь? – Она не смотрела в сторону Ярого, а он оглянулся на нее и посмотрел с такой жалостью, какую трудно было вынести сильному человеку. Но Софья Михайловна не видела его глаз и не хотела больше видеть никогда. Они поняли друг друга без слов. Ярый кивнул, сразу неслышно возник вездесущий келейник, и Софья Михайловна ушла. Ушла, чтобы через два месяца принять в свой дом сыновей внука. И всегда помнить, что в далеком Вашингтоне живут одинокие Митя и Нина, которым все выражают сочувствие в гибели сыновей. И они принимают сочувствие и носят цветы к морю, которое забрало у них сыновей. А их забрало не море, их забрал долг. И суждено ли им было свидеться на этом свете, нет ли...? Долг.

* * *

Долг... Ярослав Юрьевич смотрел на жену, хлопотавшую вокруг обеденного стола, и думал: были ли их жены когда-нибудь по-настоящему счастливы? Они всегда знали, что помимо воинского долга у их мужей и у них самих был долг, больше которого представить было невозможно. Потому что этот долг мог потребовать положить на алтарь служения отечеству не только твою жизнь, но и жизни и счастье детей и внуков. Ярослав Юрьевич всегда поражался, откуда брались силы и мужество у их, на первый взгляд обычных, жен? Впрочем, о чем это он... Какие же они обычные! Недаром их с детства воспитывают только такие женщины, которые прошли весь путь воеводиных жен с юности и до глубокой старости. И не только женщины. Книги.

Анна Петровна подняла голову и внимательно посмотрела на мужа. Постарел. Ох как постарел Ярослав. И то сказать, столько неприятностей на службе за последний месяц – хоть отбавляй. Хорошо, что смог сослаться на недомогание, отпросился поправить здоровье в кругу семьи. А потом – в отставку. Интересно, обнаружили в лаборатории подмену или нет? Скорее всего – нет. Иначе бы уже подняли шум. Да и кто осмелится прикасаться к «нейропульсару» без генерального конструктора? А охранников-то, поди, наказали... Проворонили они своего поднадзорного, проворонили...

Анна Петровна, по какой-то ассоциации со словом «проворонили», затянула давно забытого «черного ворона». Когда она пропела слова «что ты въешься надо мной», Ярослав Юрьевич вздрогнул и с досадой посмотрел на жену.

– Прости, – коротко бросила она. Действительно, что это она... столько Своих погибло перед войной. И всех этот «черный ворон» увозил! А всё – нерешительность тогдашнего Ярого. Ведь уже приговорили «вождя всех народов». Так нет, Ярый больной, но встал с постели и кулаком по столу: «Нельзя! Устой!». И что? Сколько народу полегло в лагерях? За сто лет в числе не прибавили. Наоборот – потеряли! И ни одна война так не уменьшила число Своих, как годы репрессий этого Зверя. Эх, Ярый, Ярый! Земля тебе пухом!

Ярослав Юрьевич беспокойно взлохматил свои седые волосы и мысленно унесся к давешней встрече с Ярым. Да, еще вчера он и предположить не мог, что друг юности Иван станет Ярым. Верный друг, давно жданный здесь, на Родине, Иван удивил его не только своим внезапным появлением из небытия, но и полной осведомленностью и о его нейропульсаре, и о

первом удачном опыте с «Витязем» Владимира. Стороннему уму показалось бы странным, что почти одновременно и отец и сын закончили свои работы. И не просто работы... Даже страшно представить, что открывалось теперь перед миром! Какие возможности... и какие опасности. А в том, что работы закончились почти одновременно, как раз ничего странного и не было. Тот, кто шагает в ногу, доходит до цели почти одновременно. Теперь они смогут многое... Только бы опять не было топтання на месте. «Как будто мы собственной силы бояться стали!» – досадливые мысли скользнули и разбились о высокий звук дверного звонка.

В дверях показался Лютов. На этот раз он был одет в обычный костюм обычного рядового гражданина, на которого и смотреть-то скучно, потому что взгляд ну ничего интересного в нем не находит. И сегодня Лютов, конечно, каблуками не щелкал и честь не отдавал, он только колко посмотрел прямо в зрачки Пересветова, и тот уже знал, что его ждет Ярый.

Ярослав Юрьевич быстро оделся, поцеловал на прощанье жену и вышел из дома, в который раз не предполагая, какие изменения в судьбе ждут его по приказу Ярого.

* * *

Совет собирался вне всякого срока. Совсем недавно, избрав нового Ярого, Старейшины Братства Своих разъехались по России и зарубежным местам службы. И вдруг – новый вызов. За все время существования Братства чрезвычайный сбор объявлялся всего шесть раз. И всегда причиной этому служили грядущие, страшные для Родины события. И сегодня, собравшись под древними стенами монастыря, все одиннадцать человек сидели за своим огромным круглым столом и терпеливо и тревожно ждали двенадцатого – Ярого. На душе было беспокойно.

Ярый вошел тяжелой походкой, лицо его было серым от усталости:

– Здравы будьте, воеводы.

Все поднялись и дружно ответили:

– Здрав будь, господин князь Ярый.

Ярый сразу прошел на свое место, сел на твердый и неудобный стул с высокой спинкой и сразу же изложил причину, по которой он собрал Совет Братства Своих:

– На последнем Совете мы с вами решили, что пришла пора ответить на предложение президента. Он должен был узнать, что Братство Своих всегда старается стоять в стороне от мирской власти. Наша власть служит только России и ее народу. Но мы решили также, что должны поддержать его в противостоянии людям бывшего президента. С тех пор произошли весьма значительные события...

Он немного помолчал, справляясь с волнением:

– Итак, два дня назад мне доложили, что первый друг и помощник нашего президента уже пятое поколение носит чужую фамилию. На самом деле он – Окаяннов. Я думаю, нет нужды напоминать вам о трагической для России роли потомков Святополка Окаянного. И то, что они не были окончательно уничтожены, как мы полагали, в девятнадцатом веке, дало им возможность восстановить свою родовую нить и проникнуть в наивысшую точку власти России. Естественно, возникают опасения: не находится ли президент под влиянием князя Окаяннова? И не поторопимся ли мы, если согласимся на союз с нынешней властью?

Ярый внимательно осмотрел своих соратников и закончил:

– Я сам лично думаю, что Окаяннов не имеет власти над нашим президентом, но то, что это семя подобралось вплотную к нему – очевидно. Поэтому я, не дожидаясь нынешнего Совета, своей властью приказал отложить встречу с президентом.

Члены Совета переглянулись, колко и внимательно заглядывая друг другу в глаза. Им не многое нужно было говорить вслух, хорошо развитая интуиция и телепатические способности почти каждого позволяли им обходиться без лишних слов. Потом они недолго и немногословно обсуждали сообщение князя. Всё было ясно, и необходимое решение лежало на поверхности.

Но члены Совета ждали продолжения речи. Они чувствовали и знали, что Ярый приготовил им не только эту удручающую новость.

– Да, вы правы, у меня есть и хорошие новости... – Ярый с удовольствием достал свою трубку, таким образом давая возможность закурить всем, кто страдал от этого пристрастия. К его удивлению, никто даже не пошевелился. Ярый с досадой оглядел весь круг сподвижников, спрятал свою трубку назад, в маленький бархатный кисет, и сказал:

– Ну что ж, я продолжу. Незадолго до моего избрания, генерал-лейтенант Ярослав Пересветов сделал вот эту видеозапись... – Ярый показал на коробку с диском, которая лежала в центре стола. – Вы все узнаете в испытуемом его сына, профессора Владимира Пересветова. Мы также знаем, что его работа с «Витязем» успешно завершена. Но мало кто знает, что путешествия по генной памяти проводились уже дважды. Вернее, даже трижды. Потому что Владимир вовремя успел исправить допущенную им ошибку. Именно из осторожности и чтобы не совершить в прошлом необратимое, мы таких попыток больше не предпринимали.

Самый младший из членов Совета по его знаку подошел к DVD-плееру и вставил диск. Экран засветился, и на нем возникла котика. Все заулыбались, потому что ожидали увидеть красивое и мужественно лицо Пересветова-младшего. И вместо него вдруг – пушистая кошка. Но кадры шли один за другим, и всем стало не до смеха. Члены совета с интересом, если не сказать с жадностью, смотрели на злоключения Васьки, а потом и Ирочки. Все узнали в ней дочь одного из Своих и поняли, почему во время второго эксперимента из всех работников лаборатории присутствовала только она одна.

Когда Пересветов-младший сказал «хреново», все с удивлением переглянулись. В комнате повисла такая тишина, что малейший звук, доносившийся из динамика телевизора, позволял каждому чувствовать себя участником эксперимента.

И все с облегчением вздохнули, когда на весь экран выплыло счастливое лицо Владимира. Вздох облегчения и радости возник, как в одной груди.

– Это еще не все. – Ярый встал из-за стола, чтобы по привычке размеренными шагами привести в порядок и мысли, и эмоции. Он не любил эти неудобные, по специальному заказу изготовленные лет триста назад стулья. Он знал, что их нарочно не сделали удобными. Для того чтобы сидевшие на них не расслаблялись и не чувствовали комфорт только оттого, что сидят в роскошных креслах, а значит роскошь существует для них как данность. Конечно, все Свои не знали нужды в хлебе насущном. Братство было сказочно богато, но каждый из членов сообщества с детства привыкал вести скромную жизнь простого россиянина, и всегда все они знали, что накопленные веками богатства Братство Своих использует только для развития науки, новейших технологий, для дополнительного образования молодых подрастающих Своих. И еще на многое и многое другое. Даже – на подкуп высокопоставленных чиновников разных государств. Да, случалось, что им приходилось буквально выкупать попавших в беду Своих. Но иногда они этого не успевали... Ярый вспомнил своего старшего брата, погибшего в застенках гестапо в сорок втором, и вздохнул.

– Итак, у нас теперь есть еще один нейропульсар. Да, усовершенствованный нейропульсар, который был доработан в КБ князя Пересветова-старшего. Информация о нем попала, к сожалению, к Окаяннову. Мы были вынуждены подменить его на муляжный и вывезти сюда, на нашу закрытую территорию. Генерал-лейтенант Пересветов остался вне подозрений, так как подмену обнаружили во время его болезни. В стане Окаяннова началась драчка, которая не утихла до сих пор. Но это не главное. Главное то, что нейропульсар доведен до совершенства. И испытание проводил опять-таки Владимир Пересветов. Его седина – дань тому подвигу, который он совершил в обличье эмиссара моджахедов. Террористический акт был предотвращен, но при этом сам Пересветов едва не погиб. Еще бы секунда-две, и он бы исчез вместе с сознанием Сабаева.

Все видели, что Ярый взволнован. Он остановился перед своим стулом и, внимательно оглядев членов Совета, произнес:

– Я думаю, мы должны оговорить возможность применения нейропульсара. Это – вопрос жизни и смерти. Иногда ответственность перед народами заставляет нас отказываться от применения таких технологий, которые, опередив свое время, не соответствуют уровню современного сознания. Эти открытия несут смертельную опасность не сами по себе. Риск, что такая высокотехнологичная установка как нейропульсар, может попасть в руки мировых «окаянных» – вот самая большая опасность! Она заставляет нас решить: стоит ли вообще допускать существование нейропульсара. Конечно, одиннадцать веков в стены монастыря не ступала нога чужого. И все же...

Ответом ему были оживленные голоса, которые звучали сегодня чуть громче, чем было принято во время заседания Совета.

– Я назову одно только имя – Окаяннов. Вы можете представить себе, что будет, если он доберется до нейропульсара? – князь внимательно прислушался к мыслям и эмоциям соратников и подтвердил: – Вот именно, ничего не будет. Ничего и никого. Единовластие над планетой такого, как Окаяннов, положит конец всему... и ему самому – тоже. Но это будет слишком высокая цена для его смерти. Поэтому мы должны подобраться к нему первыми. И времени у нас для этого – ноль.

Ярый взволнованно встал:

– Я понимаю, что мое предложение подобраться к Окаяннову с помощью нейропульсара прозвучит в противоречие моим предыдущим опасениям. Но тем понятнее будет для нас всех мера ответственности, которую мы на себя возьмем, начиная использование нейропульсара... – Ярый обвел всех присутствующих взглядом. Я готов выслушать каждого, но решать мы, конечно, будем путем голосования.

В зале тут же раздался голоса, непривычно перебивающие друг друга.

Ярый поднял руку и восстановил тишину:

– Мы сейчас выслушаем каждого, а потом решим, какие кардинальные действия мы должны предпринять.

Тотчас же взял слово самый молодой из членов Совета. Но, несмотря на свою молодость, – ему было едва за пятьдесят, – Петр Игнатьевич Сабинов пользовался всеобщим уважением. Доктор медицинских наук, ставший профессором в двадцать с небольшим лет, Сабинов обладал и тайными, незаметными для непосвященных талантами. Его телепатические способности были развиты настолько, что даже Свои иногда чувствовали неловкость от одного присутствия тихого и скромного Петра Игнатьевича. И сейчас, когда каждый еще только обдумывал, в какой форме высказать свое мнение, меньше всего можно было ожидать выступления от неизменно молчаливого Сабинова.

– Я понимаю, что проникновение в память и в житейские события предков с помощью «Витязя» всем кажется делом каким-то личным и безвредным. Еще мы привыкли думать, что это полезно для знания истории и возможности некоей корректировки событий. Мне это мнение с самого начала казалось ошибочным. Во-первых, я всегда высказывал опасения, что не бывает позитивной корректировки прошлого. Потому что позитивные в одном временном периоде, эти события могут оказаться негативными в другом. Я всегда говорил и опять не побоюсь повторить, что мы не имеем права влиять на историю, исходя только из собственных, сиюминутных расчетов. Может пройти два-три десятка лет, и наша корректировка окажется и лишней, и поспешной. Если не хуже. И вообще, я боюсь, что со временем эти путешествия в прошлое станут для многих, простите, развлечением. Мы – христиане. И мы не имеем права влиять на жизненный путь ни одного из своих умерших братьев. На всё, что случилось с нашими предками, была, есть и будет воля Божья. Там, в глубине веков, мы можем только наблюдать и анализировать поступки, ставшие далеким прошлым. А здесь, в настоящем вре-

мени, молить Господа, чтобы Он не дал нам оступиться в нашей сегодняшней жизни, – чтобы, в свою очередь, у наших потомков не возникло желания что-либо подправить в своей родословной... Посему разрешите высказать мое твердое мнение: никакой практической пользы от «Витязя» ждать не приходится, поэтому во избежание катастрофических событий я предлагаю если и не уничтожить аппарат, то запретить его к применению... Теперь о том, что связано с использованием нейропульсара. Я совершенно согласен с князем Ярым. – Сабинов слегка наклонил голову в сторону Ивана Львовича в знак уважения. – И считаю весьма полезным использовать этот аппарат для проникновения в сознание Окаяннова. Слава Господу, что Он дал нам такое оружие против врагов наших. Много людей мы сможем спасти, не подвергая Своих дополнительному риску.

– А как же воля Господня? Может, и в этом случае мы непрошено вмешиваемся в дела, подвластные только Ему? – Вопрос, высказанный вслух, звучал в голове у каждого.

– Мы не ломаем свершившегося ранее, уже находящегося под судом Божиим. Мы боремся со злом здесь, находясь на живой земле. И Господь Сам решит, что Его детям позволено, а что – нет. Мало того, я думаю, необходимо изготовить не один и не два нейропульсара. Используя их, мы сможем предотвращать зло. А чтобы ни у кого не возникало искушения использовать нейропульсар по своему усмотрению, я предлагаю каждый сеанс тщательно подготавливать и производить только отсюда, предварительно получая согласие князя Ярого. И нужно категорически запретить вывоз аппаратов из стен закрытой зоны.

Обсуждение длилось долго. Уже далеко за полночь, выслушав все аргументы, Ярый предложил проголосовать по всем пунктам. Руки несколько раз взметнулись вверх, и ни одна не осталась опущенной. Так была открыта дорога к использованию обоих аппаратов.

Спустя год на стол Ярого лег усовершенствованный портативный нейропульсар. Он никак не походил на всемогущий аппарат, позволявший в одно мгновение переносить сознание на другой конец планеты. Скорее, он был похож на обычную приставку к компьютеру, только вместо наушников к нему прилагался эластичный шлем, напичканный множеством тончайших проводков. Работал нейропульсар при подключении к любому компьютеру.

Глядя на небольшую коробку, Иван Львович в который раз за последние годы почувствовал, какая мера ответственности и доверия лежит на нем. И он решил пока не показывать портативный экземпляр нейропульсара никому.

1378 год

Рвали в клочья тело русской земли. Рвали и свей, и литовцы, но больше всех доставалось русичам от татар. Мнилось многим – отдохнёт земля от набегов после смерти Чингиза. Но в Золотой Орде сменялся один властитель за другим, а русскому народу от этого было год от года все хуже. Каждый новый хан, как голодный пес, набрасывал один аркан за другим, все туже затягивая петлю на шее Руси. И если бы только этими бедами можно было наполнять чашу страданий народа! Ан нет... хуже тех бед было раздирание государства изнутри. Как в воду смотрел Ярослав, когда более трехсот лет назад предупреждал избранных воевод, что еще долго каждый князь будет мнить себя главным и единственным владельцем земли русской. И еще долго будут они раздирать родную землю и родной народ. Потому и полагался он на своих воевод, которые третий век чтили Ярославовы заповеди, защищая землю русскую от набегов и с запада, и с севера, а пуще всего – с востока. И мнилось им, что еще долго не будет опоры им ни в одном из князей русских.

Но вот минуло время, и породила земля русская Великого князя Московского – Димитрия. Внук Ивана Калиты, похожий на деда, как вторая капля, Московский князь собирал вокруг себя всех, кто только желал встать под его руку. А теперь виделось – и под крыло. И как ко времени подобрались вокруг него друзья-воеводы! Как нужна была ему их опора! Но самолюбив был Митя с детства, и к своему старшему другу – воеводе Юрию Бобрину – испытывал ревность небывалую. Всё думалось ему: стоит за Юрием сила тайная и несравнимая с его силой, силой князя Великого. А пуще этой непознанной силы завидовал он уму и знаниям Юрия Бобринина. Тот знал и языки заморские, и тайные знаки путеводные, читаемые им по звездам. И знания военного дела были несравнимы со знаниями его, Димитрия. Иногда холодок пробежал по спине Великого князя, когда думал он, что, стоит только захотеть Бобрину, и тот сможет власть к рукам в одночасье прибрать. Но и удивлял Юрий своего высокоставленного друга нежеланием выпячивать ни знания свои, ни возможности. И не было в нем ни жажды власти мирской, ни жажды славы. Скромнен был и незаметен Бобрин в окружении Великого князя. Он исподволь, как дитю неразумному подсказывал Димитрию правильные решения. И со временем Димитрий так проникся единением Руси, что мнил эти мысли своими.

А на востоке созрел новый хан, Мамай. Ему для полной власти не хватало еще одной победы, – одной только победы, которая окончательно должна была сломить Русь и на века поставить ее на колени. И тогда вся власть в Орде будет принадлежать ему одному, Мамаю. Ему – одному. И столь слабым казалось ему русское воинство, разобщенное междоусобными драками, что послал он для этой последней битвы друга Бегича, высокомерно считая его силы достаточными для разгрома ненавистного Димитрия Московского.

* * *

– К Ярому... – шепот был почти неслышен. Тихохонько скрипнула дверь, и гонец, не снимая запыленных мягких сапог, только торопливо стянув с головы шапку, с поклоном вошел в маленькую светлицу. Ярый, оторвавшись от писания, поднял голову.

– Княже, от передовых отрядов я. Татары подошли к Боже.

Ярый встал и в волнении провел рукой по густой округлой бороде. Его синие, как весеннее небо, глаза затревожились, и синь их стала еще гуще, еще темней.

Весной он приказал расставить заставы на подступах к Боже. Сердцем чувствовал: быть этим летом беде. И Свои седьмого дня прислали из Орды весть – Мамай послал на Русь Бегича.

Ярый велел седлать себе коня. Вестник, выполнив свою работу, спустился в поварню и, едва похлебав щей, тут же за столом и уснул. Ярый в окружении дружинников поехал

на великокняжий двор. Москва шумела, строилась. Каменный кремль красовался крепкими, как глыба, стенами. И первые башни уже подымались, гордо обозначив границы кремля. А от башни до башни вырисовывался кремлевский простор, издалека похожий на распахнутое знамя. Москвичи и пригретый чужой люд – все трудились под десницей Дмитрия. Каждый норовил поймать свою новую долю на новом месте. Казалось – вот она, счастливая судьба. Кто ей теперь может помешать? Хлеб – родит, бабы – родят, Димитрий – милостив, зазря никого не забирает. Кто хочет строиться – вот он, лес: бери – не хочу. Только ленивые да обиженные в эти годы своего дома не срубили. Знамо дело: лень да обида – первейшие помощники в грехе да в нищете. Бобрин ехал скоро, но не забывал полюбоваться на новостройки. Отовсюду пахло смолой и свежей щепой. Девки и бабы, выглядывая из-под широких рукавов, лукаво шурились на красивых всадников. Юрий усмехался, а в сердце пело только одно имя – Любавушка. Молодая женка еще только два года как в его тереме обустроилась. Но так прижилась и в тереме, и в сердце воеводы, что никак не мог он понять, чем жил до встречи с нею... Неужели одной только ратью? Одна беда была – Бог детушек пока не давал. И виноватилась в этом Любавушка... так виноватилась, что смех ее все реже рассыпался по светлым хоромам. Как птаха с подбитым крылом бросалась на каждого дитенка, которого на своем пути завидит. И каждому доставалось от нее и медового пряничка, и ласкового словца. Тесть, Новгородский воевода Севрюков, винился. Знал, что нельзя Ярому без потомства оставаться. И уже на Совете подумывали, не отправить ли Любаву в монастырь, открыв тем дорогу другой жене, уже подысканной в лесистой Брянщине. Но Юрий своего слова еще не сказал, не желая расставаться с полюбившейся ему Любавушкой. Однако наперед знал: если через малый срок не зачнет его жена, придется послушать Совет и разжениться. Ведь мало родить сыновей и дочерей, их еще вырастить надобно успеть да выучить всем наукам, тайным и привычным для всех воеводичьих отроков и отроковиц. Время жизни было недолгим – едва успевали передать все знания и уроки для грядущих потомков.

– Эх, Любава, Любава... – князь и не заметил, как произнес имя жены вслух. Хорошо еще, что конники его поотстали. Знали они, что воевода Бобрин любил впереди всех в кремлевские ворота въезжать, один.

Дмитрий стоял на расписном крыльце, одетый в простую полотняную рубаху, подпоясанную таким же простым витым поясом. Любил княже одежду просторную и удобную, часто выходил на люди с непокрытой головой. Но простоту эту никто за слабость и недоумие не принимал. Уже привыкли все, что делами и рассудительностью, а не красованием славился их князь.

– Рад видеть тебя, Юрий! Ко времени ты поспел, сейчас снестать будем. – Дмитрий никогда не скрывал своего чревоугодия. Любил князюшко поесть много и вкусно, и гостей хлебо-солить тоже любил от щедрости своей душевной.

Бобрин спешил, бросив узду подоспевшему отроку. Он легко, как будто не был тяжел и велик, поднялся к князю.

– Здрав будь, княже. Вести у меня... – Он сразу же поймал тревожный и серьезный Митин взгляд. Друзья повернулись и через миг уже скрылись в темных прохладных сенях. Поднявшись в свою светлицу, князь кивнул на скамью под образами и сам сел рядом.

– Времени нет расслаиваться, княже, совсем нет. Орда у русской земли стоит. Пока отдыхают, сил набираются, но вот-вот покроют собой всю землю до Москвы. Не успеем во время подняться – одолеют.

До позднего вечера судили и рядили два друга, как оборониться от Бегича. И в который раз Дмитрий внял совету Юрия: чем ждать да отбиваться, лучшей всего самим застать врага врасплох. И порешили с этого раза бить татар их же оружием: и войско подковой ставить, и нападать со всей шири, сминать и давить, пока совсем не рассеются по полю незванные гости.

За три седмицы собрали дружину. Благо, уже убрано было сено, а хлеба еще не вызрели. Жены и невесты привычно глядели вслед уходящим мужьям и женихам, прячась по-над рукой от солнца и пряча от стороннего глаза слезы. И воеводина Любавушка стояла на расписном крылечке, пряча от всех свое распухшее от слез лицо. Намиловаться и нарадоваться на мужа не успела, как он умчался со своей дружиной, приказав строго-настрого из Москвы да и со двора никуда не отлучаться. Крепко поцеловал в родимые губы, заглянул в любимые очи и сказал коротко:

– Жди.

* * *

Речка Вожа местами была широка, а местами – глубока и бурлива. Татарское войско подошло к ней во второй половине дня, когда солнце уже перевалило через жаркий ленивый гребень зенита. Сердце Бегича тревожно сжималось, непривычно и неуютно было ему, как будто только сейчас почувствовал, что он здесь – гость чужой и непрошенный. А на непрошенных гостей хороший хозяин всегда спускает своих верных псов. Но Бегич знал, он хотел верить, что Дмитрий – плохой хозяин. Небось, уже от страха из Москвы сбежал, а сам навстречу мамаеву войску подарки выслал и моления о пощаде. Распалая в себе злобу, ехал Бегич и мечтал, как опрокинет обоз с подарками и поскачет дальше и дальше, чтобы забрать свое, большее. Потому как – что такое Русь, если не послушная татарская вотчина? Сколько помнит себя Орда – столько питается от земли русской. Не будет питии этой – не станет и Орды. Это Бегич понимал хорошо.

Шумное войско, переправившись, наконец, через Вожу, стало перестраиваться, чтобы перевалить за едва заметный взгорок и лавиной кинуться на простор земли русской. Но когда поднялись всадники на невысокий берег реки, открылась им страшная по своей красоте и величию картина. Чуть вдалеке и значительно выше их, на просторном косогоре, стояло, широко раскинув крылья, русское воинство. Стояло какой-то последний, страшный миг, и вдруг рухнуло всей своей золоченой от солнца лавиной, сметая и раздавливая еще не опомнившееся после переправы татарское войско. Доспехи звенели, сминая в кучу тела людей и лошадей, всадники покатались вперемешку с лошадьми по откосу назад – в Вожу. И русская река, как будто сговорившись с княжым войском, покрывала с головой тяжелых и беспомощных чужеземных воинов. Только когда тела их лошадей и их самих в достатке устлали дно реки, только тогда остальные, совсем немногие, смогли перебраться на другой берег. И мчались они, не разбирая дороги, мчались с небольшим передыхом, растеряв весь обоз и все свое добро, весь скот и своих жен и детей, мчались, чтобы спастись самим и донести до Мамаю страшную и непонятную весть: Московский Дмитрий разбил войско Мамаю, а его верный Бегич растаял на русских просторах без следа. И тот, кто видел его в последний раз, навсегда запомнили его ставшие вдруг круглыми, как выдавленные страшными мыслями, глаза. И в глазах этих была покорность ужасной смерти. И еще была безнадежность. А к безнадежности Орда привыкать не хотела.

Мамай визжал так, что во всем дворце его не осталось ни одной души, не свернувшейся от страха. Он в этот же день велел собирать новое войско, цепляясь за последние уходящие летние дни. Но Спас был только у русских, и Он защитил непогодой Русь: ранняя осень, покрывшая траву молодым колким льдом, стылые ночи и серые промозглые дни сопровождали Мамаево войско до самой границы с Русью. А там стало совсем худо. Войско роптало, Чингизовы потомки, избалованные роскошью и негой в Сарае и почти насильно поднятые в поход, как ярмо мешали Мамаю двигаться вперед. Войско, прислушиваясь к их ропоту, тоже все чаще оглядывалось назад. Никогда еще в сердце Мамаю не было столько ненависти. И он уже не знал, кого он ненавидит больше: русичей, неизвестно как разбивших его лучшие отряды, или рас-

тративших боевой дух своих соплеменников. И то сказать, сколько уже десятилетий разбавляли густую и злую кровь монголов кровью славян, окрашивая их волосы в нежный соломенный цвет и делая глаза голубыми и круглыми. Куда не оглянешься, везде то и дело высились над татарской конницей дети и внуки русских пленниц. И ноги у них были стройны, и плечи широки, не в пример кривоногим и щуплым степнякам.

И в ночь, когда нужно было выбирать направление, сдался и холоду и своей тревоге Мамай. Решил зачерпнуть Рязань, беззащитную в своей гордыне перед Москвой. Зачерпнуть полной своей рукой и откатить назад, в степь. Откатить, чтобы через год-два, собрав все силы, свои и наемные, накрыть лавиной ненавистную Москву с ее Дмитрием, возомнившим себя царем всей земли русской. Он знал, что Рязань стоит в особицу, не протягивая Москве руку в единении Руси. И хотя князь тамошний, худославный среди русичей, но принимаемый в орде, как родной, Олег Рязанский, вины перед Мамаем не имел, расплатиться ему пришлось за все порушенные Мамаевы надежды. Рязань, едва отстроившись от пятилетней давности порухи, опять была сметена с лица земли русской, обагрив кровью рязанцев свои улочки и переулки. Один только князь Рязанский успел спастись вместе со своею казною. И погода воротился на родное пепелище. Воротился в который раз. И гневались рязанцы в досаде на то, что не идет их князь под крыло Дмитрия московского, который обещал всем землям и всем русичам защиту и единение против татар. И в который уже раз застучали над пепелищами топоры, заново отстраивая родной город. И не было в этом стуке ни радости, ни надежды.

Мамаево войско, нагруженное добром рязанских дворов и рязанского кремля, сыто откатило назад. И голоден был один Мамай, и голодно было его сердце. И тешил он свою злобу и свою ненависть, тешил и мнил, чтобы через год-два собраться и свершить, наконец, смерть над Русью и над ненавистным Дмитрием.

* * *

Княжья дружина, возвратившись в Москву после битвы с Бегичем, была встречена народным ликованием. Ни одна душа не осталась в стороне от праздника. Впервые за всю свою недолгую жизнь Москва гордо праздновала свой верх над врагом. Шутка ли, первая победа!

Юрий дотемна был на княжьем дворе, разделяя радость и гордость вместе с князем Дмитрием. Но не раз и не два замечал он ревнивый взгляд своего друга. Боялся, боялся Дмитрий, что вспомнит князь Бобрин свои советы. И тогда часть славы отойдет от Великого князя к нему. И Бобрин привычно отошел в тень, не забывая восхвалять воинский ум и воинскую премудрость Дмитрия. Дмитрий брови разгладил, и уверенность его в силах своих помножилась. Любил князь, ох любил доброе слово о себе. Да и то сказать, он был первым, взвалившим на себя всё бремя ответственности за судьбу и Москвы, и России. А человеческое сердце, оно ведь слабое. И у всякого сердца есть и сомнения, и страх, и растерянность. А вдруг что не так он деет, вдруг не таков должен был быть расчет? И только отец Сергей, усиленно молящийся пред Господом за русскую землю, вселял уверенность в княжье сердце. Он, да еще воевода Бобрин. Да, все-таки воевода...

Юрий возвратился домой, раскрыл своей боярыне объятья. А она как пташечка забилась, в слезах вся.

— Полно, полно тебе, любая. Вишь, возвратился я. — Юрий обнял жену и вдруг увидел и почувствовал, что не плачет она, а смеется. И сразу, сердцем почуяв, что к его возвращению уж и подарок готов, подхватил свою ненаглядную и понес в опочивальню. А она, родимая, из рук выскользнула и тихонько так говорит:

— Допреж в баню, а уж потом — утехы... — И столько сладости обещал ее голос, столько неги, что Юрий едва опять не споймал за подол. Но княгинюшка ловка — пырск, и нет ее в светелке. И только в бане, распарившись и распластавшись на широкой лаве, почувствовал

Юрий ее маленькую ручку. И коса Любавушки, тяжелой мокрой плетью небожно хлестнувшая его по спине, напомнила давний уговор, что в бане будут любиться, пока старость кости не утомит и чресла не сморщит.

– А не порушим мы дитятко? – тихонько спросил князь жену.

– Не бойсь, не порушим. Ежели я понесла – теперь ни в жизнь не выпущу. Крепко буду княжича держать.

И через семь месяцев после возвращения Юрия подарила Любава ему в этой самой бане сына. И, словно наученная женскому ремеслу, с той поры повадилась каждый год приносить по младенчику. Да каждого в свой черед: год – мальца, год – девоньку. Так и нарожала восьмерых. На Руси ведь испокон веку рожали, сколько Бог давал. И никогда уменья такого не держали – не донашивать приплод или травить его. Простота души – в простоте жизни. Что плохо, что хорошо – народ давно знал. А дети – завсегда хорошо было. Всегда ко двору.

* * *

Свои с тревогой возвещали Ярго о больших сборах в Сарае. И число войск, которое собирал Мамай, день ото дня множилось. Ордынские полки составляли уже малую толику. Много золота пришлось выложить Мамаю, но наймитов набралось к лету 1380 года несметное количество. Казалось, только выступи они – вся земля русская будет изрыта копытами их коней.

Князь Бобрин вместе с Дмитрием, с утра и до ночи просиживая в светлице, вели свои расчеты. Они так и так мысленно расставляли свое войско, и всякий раз получалось, что на вторую перемену воинов не хватало. У татар завсегда было две-три перемены войск, они сменяли друг друга, устрашая врага своей кажущейся неутомимостью. И русские, решившие перенять это правило Чингиза против самих же чингизовых потомков, рядили так и эдак, но воинов числом было недостаточно. Клич кинули на всю землю. И отовсюду поднялась помощь: с далекого белоликого севера, из глубин брянских лесов, из древнего Киева – отовсюду шли мужики. И только Рязанский князь Олег, наперекор Богу и своему народу, за спиной Дмитрия обещал помощь Орде. И сам Мамай прислал Олегу обещание, что будет отдана ему после разгрома половина Руси, за помощь и верность. А выходило – за предательство.

Вся земля русская поднималась на защиту своего края. Мужики, оставляя косы и серпы в руках жен и малых отроков, собирались к княжьему двору. И среди них нет-нет, а и мелькали рязанские мужики. Уходили они под крыло князя Дмитрия, простым своим сердцем разгадав зло Олегова предательства. И, не мудрствуя лукаво, обезлюдели они тем все войско князя Рязанского. Да так обезлюдели, что метался он по светелке, не зная уже, куда податься: то ли прощенья у Дмитрия просить, то ли от гнева Мамаева в Литве скрываться.

Оружия и доспехов Дмитрий приготовил изрядное количество. Всем нашлась и кольчуга, и славный меч. Самолично князь принимал от купцов товар иноземный, и от своих оружейных дел мастеров. Когда пришла весть, что Орда приближается, послал Дмитрий вперед основное войско. А сам, еще раз просчитав с Бобриным всю расстановку, последовал со своей княжьей дружиной вослед. И выходило по их расчетом, что придется брать им татар не столько числом, сколь мужеством. По числу русского войска было менее, чем ордынского. А Бобрину выходило ждать в запасе, ждать со всей своей отборной дружиной, – ждать, чтобы в самый переломный миг наступить на горло врагу и не дать захлебнуться битве. И знал только один Юрий, что среди дружинников каждый десятый – Свой. И пощадить бы для грядущего века должно ему посвященных... И знал он, в тот же час: грядущего века может и не стать, если вот сейчас, на этом поле, не выдержит русская дружина. Своей властью только одно упредил Ярый: оставил на страже Москвы тех Своих, которые были еще не женаты или еще не имели детушек. Выкорчевывать народ свой избранный он не хотел, чая большие дела в грядущих

веках в защите земли русской. Но холостых и бездетных набралось едва ли два десятка. Плодовитостью и хорошими женами наградил Господь семья всех воевод, собранных когда-то под десницей Ярослава.

Маленькая река Непрядва, впадая в Дон, шумела и радовалась, как живая. Долгий путь пришлось ей проделать до встречи с могучим и широким Доном. Обнимались их воды и перемешивались, с удивлением наблюдая остроконечные тени на своих волнах. Это шеломы русских воинов, выстроившихся по-над берегом, высились, как ограда для земли русской. А за лесом, прячась от чужих глаз, стояла конница воеводы Бобриня. Стояла и ждала своего часу, чтобы внезапно, по Чингизову уменью, нанести свежий смертельный удар по уставшему врагу. А сейчас, когда татарское войско еще не перевалило за косогор, все стояли твердо, как в землю вкопанные. И земля эта была чужая, а своя, родимая, пряталась за их спинами да за Доном, который сторожко ждал своей доли: то ли Орде ему служить, то ли русских детей на своих волнах качать.

И, как в битве с Бегичем, вся лавина Орды, вылившись из-за холма, на миг остановилась. Огромным орлом раскинулось на поле Куликовом сверкающее воинство русичей. Тяжелые, шитые золотыми крестами знамена колыхались на слабом ветерке. Золоченые шеломы воевод и князей сверкали островками то тут, то там... Непривычно страшно и зябко стало многим татарам и наймитным воинам, как будто предчувствие смерти пробежало между лопатками и ударило ледяной стрелой в затылок. Но у каждого еще теплилась жадная мысль о добыче и надежда, что только сосед справа и слева, спереди и сзади падет от жгучей стрелы, и не твоё плечо развалится от сверкающего меча. И каждый народ молился при этом своему богу. Но Спас, Животворный и Верный Спас был только у русичей. И этим был определен исход битвы и исход истории.

Многозычный рев русских труб смешивался с криками мамаяевых воинов. Привыкшие задолго до битвы пугать врага своими голосами, ордынцы и сейчас привычно раздирали рты в диких криках, устрашающих едва ли не более чем их нескончаемое – до горизонта – войско.

Две лавины стали медленно сближаться, мощными плотными рядами надвигаясь друг на друга и мечтая раздавить и навеки смять врагов. Но внезапно и трубы и крики смолкли: могучий, как молодой бык, Челубей, – Мамаев любимчик и гордец, – выехал на своем немыслимо огромном коне. Его безволосая грудь, прикрытая звенящей кольчугой, дыбилась под ней, без страха показывая себя русским мечам и копьям. Подхватив у кого-то на ходу длинное копье, он проехал перед застывшим строем русичей, гневно вращая черными, как сама ночь, глазами. И столько злобы и презрения к врагу исторгалось из тех глазниц, что, казалось, смерть от них могла настичь любого, слабого духом. И слова, дерзко и презрительно бросаемые Челубеем русскому воинству, вызвали на смертный бой любого, кто посчитает свои силы равными его, Челубеевым силам. На страшные мгновенья, как тяжелые капли стекавшие сквозь лабиринты времен, замерло все войско московское. Не страшно умереть вместе со всеми на поле битвы, но страшно пасть первым. Однако не даром говорят, что на миру и смерть красна. Да что – красна! Не за смертью должен был идти воин навстречу Челубею. Не за смертью, но за победой! Не должны были ордынцы осилить русичей в этом поединке. Иначе падет дух воинский еще до начала сечи. И в тишине, как уже на мертвом поле, вдруг зацокали копыта тяжелого коня. Сергиевский инок, охранник и защитник старца, Александр Пересвет подъехал к Дмитрию и с поклоном попросил:

– Дозволь, княже, мне поднять против врага копье. Спаситель поможет мне одолеть его силу и вдохнуть дух победный в наше воинство. Есть на то для меня благословение отца Сергия.

Дмитрий, глянув на распахнутый ворот простой рубахи, увидел грудь, такую же могучую, как и Челубеевскую, и увидел, что разнятся эти два богатыря только оберегами: на Челу-

бее – кольчуга, сотканная умелыми ордынскими кузнецами, а на Александре Пересвете – большой нательный крест:

– Не забоишься смерти-то?

– Смерти-то? – озорно ответил Александр. – А от смерти я, княже, отрекаюсь!

– С Господом! – воскликнул князь.

Инок обернулся, ища глазами своего молочного брата – Ивана Рокота, тот в поддержку брату лишь слегка шевельнул могучими плечами.

– Эгей, братушко, пособишь, ежели что?

– Пособлю, – басовито прогудел Рокот, наверное, и прозвание своё получивший за зычный голос.

И узкая щель между войсками превратилась в арену. Замерли воины с одной и с другой стороны, на миг забыв сверлить друг друга грозными очами. Каждый видел только тех двоих, которые должны были показать противнику силу свою и вознести силу духа своего войска. И высились эти всадники, видимые далеко вокруг. И все знали и чувствовали, что вот сейчас будет знак свыше. Знак, чей верх будет в этой страшной сече. И разошлись в разные стороны всадники, а потом, застыв на мгновение, как смерчи понесли друг ко другу. И грудь Челубея, высоко вздыбившаяся вместе с красивой и крепкой кольчугой, разорвалась под острием русского копья. И хруст костей его слышен был далеко, а алая струя крови, фонтаном брызнувшая и вперед и в стороны на воинов, была той первой кровью, которой суждено было сегодня досыта напоить донские земли. Но только на миг дрогнула Челубеева рука, и уже мертвый, вдохновленный только ненавистью и презрением к ничемному лапотному народу, он, что есть силы, вонзил свое копье в открытую грудь Пересвета. Челубей не увидел и не успел осознать ни своей смерти, ни раны своего противника. Упав с коня, он скоро оказался растоптанным почти без следа на земле русской, отдав ей всю свою кровь и плоть, которая без остатка впиталась в чернозем, чтобы еще долгие века кормить добрым русским хлебушком русских же добрых мальцов и девчонок. А Пересвет, подхваченный руками брата своего, Рокота, и единоверцев своих, с единым прозванием на все века – Христовы, был отнесен далеко назад, за плотный строй одноземельцев своих. Еще долгий час умирал Пересвет, слушая страшные звуки битвы. И рядом с ним стоял на коленях Рокот, закрывая последние минуты жизни своего молочного брата. Закрывая от неосторожных копыт, от яростного движения битвы. И знал Пересвет, что все войско русское надеется и верит, что он остался жив, и что жизнь его послужит залогом грядущей победы. И он очень старался не умереть, и в какой-то миг ему даже почудилось, как он несется вихрем в далекую и незнакомую ему жизнь. Но это действительно была она, его жизнь, которую он должен был прожить, и которая обещала ему все сразу: и любовь, и детей, и счастье, и гордость за землю русскую, сбереженную и его каплей страданий.

И уже не слышал Пересвет, как лава на лаву вскинулись воины, сминая на своем пути все живое, давя и рассекая теплую плоть, вминая копыта в мягкие незащищенные животы упавших и пеших. Трава, устав впитывать густую кровь, слипалась и истекала темными ручейками, соединявшимися в кипящие ручьи, падавшие затем с крутых берегов в Дон. Крик и ор стоял такой, что душу захлестывал ужас. Чужая боль чувствовалась как своя – так много было этой боли, и так мала была надежда остаться в живых. Скоро кони уже не могли передвигаться, скользя копытами по окровавленным кучам тел и ранясь о торчащие осколки костей да о мечи, накрепко зажатые в мертвых уже руках. Русичи дрались с отчаянием последней надежды, зная, что иначе не выживет на Руси никто – ни малый ребенок, ни древняя старуха, ни красивая молодка, ни нищий на паперти. За всех за них билась дружина, выставляя щитом живые тела свои. И ханское войско, движимое одной только жадой наживы, жадой власти над чужими жизнями и чужим добром, остановилось в какой-то миг, остановилось... и жизнь дала каждому последнюю возможность взвесить цену этой своей жадости и понять, что выше и жарче жадости жизни нет ничего. Нет и, может статься, больше не будет. Не будет, если не повернуть назад и

не скрыться от светлых взглядов русичей. И этот миг, в котором, кажется, замерли даже птицы в небе, дано было уловить Ярому. И кинул он всю свою конницу в самую гущу битвы. И ярости их не было предела, каждый из воинов уложил вокруг себя вдесятеро и вдесятеро больше врагов, чем простые, необученные ратному делу мужики. Но это была их доля, их работа, их долг. И многие из них погибли в той битве, не успев увидеть, как дрогнувшая конница Мамай откатилась и понеслась по холмам, обтекая и тот взгорок, где стоял сам хан, недоуменно и гневно смотря на крупы коней своих воинов. И только некоторое время спустя, увидев развевающеся знамя русичей, вскинулся Мамай на коня и помчался вослед своей коннице. А испуганные кони, завертясь в окружении русских войск, ринулись с берега в Непрядву. И опять кипела над головами врагов чистая вода, принимая их жизни, смывая даже след их, как будто и не было их никогда. Но число ордынцев было так велико, что и Непрядва захлебнулась и стала выплевывать чужие тела наверх, выстилая ими дорогу на другой берег. И последним, кто должен был проскакать по самой страшной из всех дорог, был Мамай. Но он все еще не верил, что это все, конец, что надежды на победу нет. И конь его, чувствуя неуверенность седока, не стлался, чтобы уйти от погони. И настиг меч Ярого Мамаеву круглую голову и ссек ее с плеч. И в пылу битвы даже не успел осознать, что скатилась сейчас в бурю воду последняя голова некогда непобедимой Орды.

Но битва еще продолжалась, и было еще много врагов, злоба которых захлестнула их желание выжить. Захлестнула так же, как вода русской реки захлестнула отрубленную голову их хана. И был страшный миг, когда Ярый остался один на один с тремя всадниками, которые смертельным хороводом кружились вокруг князя, пытаясь достать его своими сверкающими мечами. Солнце отблескивало от стали, мешая Ярому. Наконец он смог извернуться и отсечь руку самому юркому, брызгавшему в лицо князя вонючей слюной вместе с непонятными злобными криками. Второй всадник, искрутившись вокруг князя на своем черном, как ворон, коне, вдруг застыл на миг, оскалив молодые и крепкие зубы, и упал на гриву коня, подставив закатному солнцу узкую спину с высоко торчащей между лопатками стрелой. И совсем уж облегченно передохнул Ярый, мысля отбиться от последнего врага, но страшная боль, разрывая тело и разрубая кости от плеча, красным светом застила ему глаза. Ярый знал, что он почти мертв, и больше всего на свете ему хотелось видеть сейчас на прощанье глаза жены и детей, а не этот страшный и яркий красный свет. Он моргнул глазами, голова его зашумела, как от доброго меда, и внезапно Ярый смог оглянуться и упредить удар кривой сабли, занесенной над его плечом. Он рассек врага надвое, как никогда радуясь наручной тяжести своего меча. Воевода отдышался и приготовился принять свой смертный час. Но тело его не болело и слушалось, как будто и не было ни боли, ни хруста костей, ни горячего тока крови под кольчугой. Ярый глянул себе на плечо и с удивлением увидел разрубленную до пояса кольчугу, под которой ровным рассеченным лоскутом алела окровавленная домотканая рубаха. Но тело... тело под ней было розовым и целым. Князь почти с отчаянием и страхом дотронулся до собственной груди, и ладонь его окрасилась свежей кровью. И крови этой было так много, так много! Но Ярый уже знал, что он жив, что тело его цело, и что с ним случилось чудо. Он растерянно огляделся вокруг себя и услышал, как кто-то позвал его издали:

– Воевода, княже! – слова дробились и проникали под шлем. И Ярый понял, что всё – одолели!

Поле битвы было покрыто низким и розовым от крови туманом. Густая эта кровь, последний раз пузырясь, вытекала из страшных ран и испарялась, возносясь к небу. И только Сам Спаситель мог разобрать, чья кровь пролилась во славу Его, а чья должна была черным ручьем просочиться в землю и растаять там без следа. И слабые крики, и громкие стоны разносились по полю, прося последнего прощения у Господа и еще жаждая помощи от своих земных собратьев. И Ярый, скользя блестящими от крови сапогами, ходил по полю, окликаая родными именами погибших. И некоторые из них отзывались – кто в надежде исцелиться, а кто в надежде

последнего прощения. И каждому Ярый находил слова утешения и гордости за свершенный ратный подвиг. Он всех утешал мыслью, что Спас, благословивший их тайное Братство, примет их с любовью, исцелит и телесные раны, и душевные.

И никак не мог забыть Ярый тот миг, когда кто-то побудил его в разгаре битвы оглянуться и отбить смертельный удар чужого меча. Как будто упредив его, кто-то внутри воскликнул: «Оглянись!». И так это было страшно и сверхъестественно, что Ярый не сразу решился рассказывать об этом. И спасение его было не единственным чудом, случившимся в день Куликовской битвы. Много свидетельств делали потом христианские воины, спасенные и от меча врага и от жгучей его стрелы. Все восхваляли Господа и Его руку, спасительно вознесенную над Своими детьми. А тем, кому выпали судьбы лечь в этой битве, было подарено прощение и всё, что Иисус обещал, придя на землю. И не знал Ярый, что он был единственным, кого коснулось не небесное чудо, но рукотворное, земное спасение. А за каждый излом судьбы, свершенный не по воле Господней, следовала целая цепь новых поворотов, которым было суждено обратить вспять вмешательство по воле только человеческой. И иногда на это уходило много лет и даже столетий...

Долгие земные лета позволено было прожить Ярому, ему довелось пережить даже многих своих внуков. И каждым он мог гордиться, каждому дана была полная чаша воинского умения и полноты души. И не дано было узнать Ярому только одной горькой правды: из всех его далеких потомков выжили только те, кто был рожден от первых двух детей, зачатых еще до Куликовского сражения. А остальные, рожденные после... Всем им суждено было погибнуть в далекие от жизни Яркого годы. Погибнуть и унести с собой многие семена чужих родов, связавших свои судьбы с рожденными не по воле Божьей потомками Бобрина Юрия.

Но Бог сжалился – не дал узнать этой горькой правды ни самому Юрию, ни Владимиру Ярославичу.

2003 год

– Я хотел рассказать про кошку.

Брови у Ярого поползли вверх.

– Про кого? – Князь с трудом выкроил время для встречи с зятем и теперь, услышав слово «кошка», едва не рассмеялся. Хотя события, стремительно развивающиеся со дня последнего Совета Братства, вызывали мало радости.

– Иван Львович, вы помните кадры, когда Баська вернулась из прошлого?

– Да, конечно. Хотя, я думаю, больше всех это наша Ирочка запомнила.

Владимир Ярославич постарался не обращать внимания на иронию, прозвучавшую в голосе тестя.

– Понимаете, Баська всегда была добрейшим существом, ее практически невозможно было вывести из себя. И то, как она себя повела, натолкнуло меня на мысль, что не только Баська путешествовала во времени, но и тот ее предок, в канале которого она застряла. Конечно, сыграло значение и то, что ее освободили от пут раньше, чем выключили тумблер. Но видно было, что это не Баськино сознание руководило ею в эти секунды.

Владимир Ярославич в волнении поднялся и стал ходить взад и вперед по кабинету Ярого. Он энергично жестикулировал руками и так же энергично рассуждал. Казалось, он говорит сам с собой, и видно было, что выводы, к которым вели его рассуждения, были не только смелы, но и неожиданны для него самого.

– Я уверен, происходит не только путешествие во времени, но и обмен сознаниями. Я понял, что невозможно в одной личности, даже если эта личность – маленькое животное, удерживаться вдвоем. Поэтому, пока наша кошка охотилась в диких лесах, ее пращур и напал на Ирочку! – Пересветов остановился напротив князя и дрожащим от волнения голосом продолжил: – Я хорошо помню тот миг, когда меня рассекли надвое там, в той, не моей, жизни. И сейчас я думаю, что сознание моего прапрадеда несколько мгновений было в моем теле. Он никак, в отличие от кошки, не проявил себя здесь только потому, что в те секунды умирал. Вы помните, Иван Львович, посмертное выражение на моем лице? Ведь это было его выражение, не мое.

Владимир Ярославич устало сел на стул и с силой сжал кисти рук. Он волновался, потому что знал – скажет сейчас вещь невероятную и почти фантастическую:

– Я уверен, что мы можем говорить со своими предками здесь и сейчас, на какое-то время меняясь с ними сознанием. Конечно, при этом там, в далеких веках, мы не должны предпринимать сколь-нибудь энергичных поступков, чтобы не навредить ни себе, ни им.

– Да, ты удивил меня, Володя... Признаюсь, эта мысль занимала и меня! – Теперь уже князь мерил энергичными шагами свой кабинет. – И больше всего при этом меня тревожил факт невмешательства в события. Мне до сих пор не дает покоя то, что ты своею волею помог выжить своему предку в тот миг, когда, может быть, ему предназначено было умереть. Хотя, кто знает... Теперь мы, наверное, не узнаем истины никогда. Но самое удивительное – это то, что твой «Витязь», работа которого основана на биологических принципах генной памяти, точь в точь повторяет обмен сознания с помощью нейропульсара. И обмен этот осуществляется с совершенно посторонними людьми, но только с живущими в нашем времени. Ты об этом знаешь?

Владимир Ярославич кивнул головой:

– Знаю. Но нейропульсар – это же просто средство связи. И электроника, с помощью которой производится обмен сознаниями, может когда-нибудь подвести. Я бы никогда не согласился на такой обмен во второй раз. Вот так из-за какого-нибудь сбоя в компьютере рас-

половинишься в ком-нибудь... Часть сознания – здесь, а часть – в его теле. И ты тоже – ни там и ни сям. Нет, это жутко.

– Да? А застрять в теле далекого предка – это не жутко? – Ярый был явно разочарован. Видимо, у него были свои планы на этот счет. – Ну что ж, Владимир Ярославич, давай поговорим о твоём «Витязе».

Еще два часа Ярый и Пересветов обсуждали возможность путешествия по лабиринтам генной памяти. И даже наметили первого кандидата для встречи. Конечно, им хотелось, чтобы это был воевода Ярослав Пересвет, – первый Ярый.

– Хорошо бы научиться сразу попадать именно в то время, которое планируешь. И в том возрасте... – Владимир Ярославич вдруг рассмеялся. – А то окажешься в нужном сознании в тот миг, когда сидишь на детском горшке или получаешь подзатыльник от учителя. Или еще хуже... хотя... – Видно было, что Пересветов и сам смутился от своих мыслей. – В общем, как мне показалось, нужно четко держать в сознании ту дату, которую ты выбрал во времени. И тогда сознание не пропустит ни прашура, ни момент остановки. Ведь попал же я дважды в один и тот же промежуток времени? И еще! Необходимо учитывать, что путешествие может ответвиться на сознание по женской линии. Об этом тоже нужно помнить... – Он опять улыбнулся. – Господи, как же все это интересно!

– Вот-вот. На последнем Совете Братства как раз и говорили о возможности превращения путешествия с помощью твоего «Витязя» в аттракцион! – Ярый недовольно смотрел на зятя. – Ты развеселился, как мальчишка.

Владимир сразу посуровел, боясь неосторожным словом разгневать своего высокоставленного тестя.

– Ладно, на сегодня закончим наш разговор. Я должен переговорить о твоих выводах с некоторыми из членов Совета. А пока – будешь готовить к путешествию Сергея.

– Сергея? Почему Сергея? А я?

– А ты, Володя, нужен мне здесь. Здесь, а не в прошлых веках. И работа тебе предстоит серьезная и опасная.

– Нейропульсар?

Ярый кивнул головой:

– Нейропульсар. Очень меня, Володя, тревожит один человек. Сердцем чувствую: он опасен не только для нас, но и для нынешнего президента. И задание это настолько опасно, что я не могу поручить его никому, кроме своих близких. Ты знаешь наш закон: свои сыновья во всем – первые. А ты мне как сын.

Он обнял зятя и слегка подтолкнул его к дверям.

– Иди, я позову.

Пересветов надел фуражку и, отдав честь, как будто Ярый был в форме офицера Российской Армии, вышел из кабинета.

Ярый остался один и с тревогой поднял глаза на портрет нынешнего президента. Ему вдруг вспомнились слова его любимого писателя Анатолия Рыбакова: страну подвел к пропасти Горбачев, а уронил – Ельцин. И всегда, глядя в серьезное и даже суровое лицо молодого президента, Ярый мысленно спрашивал его: «Вытянешь Россию? Выдержишь? Не поддашься? Выдержи, парень, а мы подмогаем!». Интуиция подсказывала Ивану Львовичу, что он может доверять президенту, что этот человек – без двойного дна. И крепостью духа он похож на многих Своих. И недаром президент делал не раз и не два попытки связаться с их Братством. Уже то, что он знал об их существовании, говорило о многом. Видимо, его истоки тоже имели свои корни и свои большие возможности.

– А решать все-таки нужно! – Ярый произнес эти слова вслух, как будто утверждая себя в мысли, что он должен встретиться с президентом один на один, без присутствия каких-либо

сторонних наблюдателей. Итак, он должен сделать невозможное. Еще каких-нибудь десять-пятнадцать лет назад об этом и речи не могло быть.

И все-таки Ярый знал, что без разведки, без попытки выяснить планы Окаяннова, он не имеет права на эту встречу. Он никогда не принадлежал себе, а теперь, после возвращения – тем более. Интересно, догадается ли президент, с кем ему предстоит встреча? Вспомнит ли он их первую встречу в далеком теперь двухтысячном? Господи, как много изменилось в его жизни за эти три года! Перед внутренним взором вдруг возник его просторный дом, окруженный высокими деревьями, вспомнился приглушенный шум Вашингтона за окном. И бесконечные, занятые только работой, дни. Там ему иногда казалось, что цена его одиночества слишком высока. Усталость души, наваливаясь, уносила его вдаль, в старенький домик Софьиной матери. И сразу перед глазами возникал образ жены и их маленькой дочери. Он знал, что и Софья изменилась, и дочь давно выросла и сама уже стала матерью. Иногда ему привозили их фотографии и кадры домашней хроники, но почти сразу же их приходилось уничтожать, оставляя в сердце печаль и тоску.

Когда ему исполнилось сорок пять, в его жизни появилась Сара. Она никогда ни о чем его не спрашивала, как будто чувствуя, что занимает в его жизни место, далекое от того, о котором мечтает каждая женщина. И о браке они тоже никогда не говорили. Любил ли он ее? Наверное... наверное, любил! И неизвестно, как бы развивались дальнейшие события. Но однажды, вернувшись из поездки, он почувствовал, что Сары нет. И он сразу понял, что это – навсегда. Понял, что и эта женщина ушла из его жизни, сделав его еще более одиноким. Он не гадал о причинах, побудивших Сару уйти. Наверное, она устала от его замкнутости, оттого, что он не впускал ее в свое сердце дальше, чем требовали их отношения, больше похожие на легкие отношения любовников. И эта легкость противоречила их внутреннему миру. Он ничего не мог да и не хотел менять в своей жизни. А она – любила! Конечно, любила, иначе бы не ушла. И ему, уже во второй раз, пришлось отречься от надежд.

Когда двенадцать лет назад на смену ему прислали Митю, он чуть с ума не сошел от радости. Иван Львович вспомнил, с каким трудом ему удавалось сохранять высокомерный и недоступный вид в общении с Митей при посторонних. Пентагон никогда не был местом для откровенных человеческих отношений. А если эти отношения необходимо было маскировать, тут уж поневоле приходилось становиться актером высшего класса.

* * *

Митя был заранее, еще в Москве, предупрежден, что в Вашингтоне ему когда-нибудь придется работать под руководством деда. Семнадцатилетнему юноше тогда казалось, что наконец-то у него начинается настоящая мужская жизнь. Жизнь, полная опасностей и приключений. А оказалось – опять учеба. Да, сначала – West Point. И только потом – погоны, о которых он так мечтал с детства. Но кто мог знать, что на его плечи лягут погоны чужого государства? Государства, возомнившего себя судьей над всем и всеми. И за долгие годы обучения а затем и службы в Европе Митя по-настоящему понял, что вот она, настоящая опасность для его Родины. Опасность, которую порождало ощущение безнаказанности после каждого вмешательства Пентагона во внутренние дела других государств. Пока, – но это только «пока», теперь Митя в этом не сомневался, – это были страны, по некоторым причинам обособленные от других, они были ослаблены внутренними неурядицами и междоусобными войнами. Междоусобица... Митя достаточно читал о ней в своих древних родовых книгах. И помнил, сколь трагичны такие распри для любого государства. И эпоха не имеет значения. Пока внутри идет грызня между лидерами националистическими или религиозными, страна остается беззащитной перед лицом настоящей опасности. Потому что во все времена находился свой Чингиз-хан, жаждущий наложить свою лапу на чужую территорию. И подчас не столько ради наживы мате-

риальной, сколько ради жатвы душ человеческих и ради демонстрации собственной силы и независимости от чужой воли и чужих свобод. И не народу Америки, гордому и богатому, крепкому духом и обладающим щедрым сердцем, нужны были чужие территории. И не нужен ему чужой страх перед военной машиной Штатов, он только хотел спокойно жить и растить детей. Но именно спекуляцией о некоей угрозе, которая в любой момент может разрушить мирную жизнь, и затуманивали мозг и совесть своего народа те, у кого руки чесались – так хотелось почувствовать себя властителем чужих судеб и чужих территорий. И то, что угроза террора действительно существовала, служило только на руку военным заправителям. Испокон веку известно, что ложь, смешанная с правдой, становилась в глазах публики большей правдой, нежели абсолютная правда. А уж как изготовить этот затуманивающий мозг нации «коктейль», учить в Пентагоне никого не нужно было.

Когда самолет, уносивший Митино подразделение из бывшей Югославии в штаты, оторвался от взлетной полосы, самой большей радостью для многих было то, что в спины им больше не бросали жгучие взгляды ненависти. Ненависти, рожденной в оскорбленном национальном сознании, униженном иноземной властью и иноземной волей. И эта ненависть многих жгла сильнее, чем пули.

«Это иго нашего времени, и с этим игом мне предстоит бороться, чтобы уберечь от его вторжения мою ослабленную Родину. Наверное, это та самая сила, о которой предупреждал ясновидящий Великий Ярослав. Эта та самая сила – молодая и злая. Она давно зрела здесь, на другой стороне планеты, чтобы потом черным коршуном обрушиваться на чужие гнезда со своей непрошенной псевдо помощью...» – Митя глядел в иллюминатор, прощаясь с милой его сердцу бывшей Югославией, и опять поймал себя на мысли, что и думать-то он стал на чужеземном языке. Да, со дня отлета из Москвы, осуществив, по сути, почти кругосветное путешествие, и оказавшись у своих новых родителей в далекой Аризоне, он не произнес ни одного слова по-русски. «Нет, произносил. Однажды...» – Митя мечтательно закрыл глаза и вспомнил свою жену. Нина оставила свое имя и там, в штатах. А ведь он помнил ее еще маленькой конопатой Нинкой из соседней квартиры! И хотя она была на четыре года младше его мальчишечьей компании, Нина ни капли не уступала им в озорстве и смелости. Так она и пробегала шустрым хвостиком за красивым и веселым Митей. Когда ему два года назад показали фотографию его предполагаемой жены, он с удивлением узрел у яркой и красивой блондинки Нинкины зеленые глазки. Только теперь они смотрели на него не со слепым детским обожанием, а с чисто женскими лукавством и улыбкой, и легкая поволока во взгляде сразу поманила Митино сердце. И в первую ночь их незабываемого медового месяца Митя только однажды сказал по-русски:

– Люблю! – сказал едва слышно, в маленькое розовое ушко.

Нина откинулась на его руке и ответила тихо-тихо, глядя прямо в его глаза:

– Я тоже тебя люблю, Митя.

Больше по-русски в их семье никто не говорил. Только дети в своей специальной школе изучали наряду с немецким, французским и китайским, язык своей неизвестной Родины. Митя знал, что дети будут с ним совсем недолго. И он не знал, что для него хуже – грядущая разлука с женой или мысль о том, что не ему доведется воспитывать своих детей. Но тогда, в день свадьбы, до этого было еще далеко. И еще Митя знал, что Нина сама будет решать, оставаться ли ей с ним, или «погибать» вместе с детьми. Это была единственная уступка, на которую мог пойти Ярый.

В день, когда он должен был предстать перед своим новым шефом, Митя волновался чрезвычайно. Хотя по его суровому и неподвижному выражению лица никто не мог предположить о той эмоциональной буре, которая кипела в его душе. Еще в приемной своего деда, положив на левый стиб руки фуражку и расправив плечи, Митя сосчитал про себя до двадцати. Сердце приняло заданный ритм и немного успокоилось. Когда услужливый адъютант распах-

нул перед ним дверь, для Мити уже не существовало ни окружающих, ни стен кабинета, ни слепящего солнца за окном. Только дед и он. Иван Львович, дождавшись, пока дверь за адъютантом закроется, поднялся из-за своего письменного стола и протянул Мите руку. Крепкое рукопожатие, продлившееся чуть-чуть дольше, чем принято и... всё. Субординация была выдержана, знакомство состоялось, и – началась служба.

Целых двенадцать лет продвигался Митя по ступеням, за которыми была дверь в кабинет деда. И вот теперь эта дверь открылась для него, для воеводы Пересветова. Постепенно отдавая нити руководства американского отделения Братства Своих в руки внука, Иван Львович не упускал возможности встречаться с его семьей. Ссылаясь на хроническое одиночество и давнюю потерю собственной семьи, высокопоставленный чиновник Пентагона проявлял понятную всем привязанность к жене и детям своего молодого заместителя. И с каждым годом Иван Львович чувствовал, что ему все тяжелее давались эти встречи, потому что с настоящими человеческими чувствами бороться было намного труднее, чем с собственной усталостью и тоской по Родине.

Когда пришла пора прощаться, Иван Львович долго обнимал внука. Они оба знали, что им вряд ли придется свидеться в этой, земной жизни. И последними словами нового Ярого к внуку были слова, впервые звучавшие под сводами его вашингтонского дома по-русски:

– Не смей забывать свой боярский род!

* * *

Иван Львович еще немного постоял у окна, любуясь уже ставшим привычным пейзажем. И мысли его опять вернули к делам сегодняшнего дня – к грядущей встрече с президентом.

2004 год

Владимир Ярославич знал, что прорваться в сознание Павла Яковлевича Окаяннова будет непросто. Нейропульсар легко мог проникать в сознание личностей, совершенно не владеющими своим подсознанием и не обладающими такими редкими дарами, как интуиция и телепатия. А он уже знал, что Окаяннов всеми этими качествами обладает. Задача затруднялась еще и тем, что проникнуть в сознание к нему необходимо осторожно, не давая почувствовать присутствие чужой воли и чужих мыслей. Иначе Окаяннов может применить такую защиту, что и собственное сознание может померкнуть, если вовремя не убраться из его личности.

Когда Владимир Ярославич провел первое испытание и проник в сознание боевого командира Сабаева, проникновение оказалось до смешного простым. Нет, Сабаев не был глуп или напрочь лишен интеллекта. Просто самонадеянность его владела не только его поведением, но и разумом. И он даже не почувствовал того момента, когда нейропульсар проник в его мозг и «загрузил» его сознание мыслями и чувствами генерала Пересветова. И Пересветов в один миг увидел и успел осознать опасность. Опасность не столько для него, сколько для тех молодых солдат, которые стояли на коленях перед строем сабаевцев. Они, казалось, были так сломлены духом, так покорились своему смертному часу, что чеченцы даже не сочли нужным связать им руки. Один из приговоренных, стоя на коленях, молился, и его лицо было самым осмысленным среди всех. Он тихо, но четко произносил имя Спасителя, и когда чеченцы слышали очередное «Иисус», они начинали громко хохотать. Второй солдатик был смертельно бледен, и брюки его были мокры, он трясся мелкой дрожью, но тело его непроизвольно клонилось к тому, который читал молитву о спасении. Третий был зол, и его ненависть к врагу была выше страха смерти. Казалось, он только ждет удачного мига, чтобы выхватить из чьих-нибудь рук автомат и унести с собой в могилу хотя бы еще одного врага. И этот миг, наверное, вымоленный словами христианина, наступил. Сломленная воля Сабаева свернулась, как придушенная змея, руки его развернули автомат и одной длинной очередью расправились со своими хохочущими единоверцами. Подаренный русским солдатам миг спасения не прошел даром. Тот, кто еще недавно сотрясаясь в нервной дрожи, уже поднимался с земли, молящийся – усилил свой голос и уже хватал чей-то автомат, а тот, в ком вера в спасение уже переросла в действие, мертвой хваткой держал Сабаева за горло. И если бы он просто пристрелил его, Пересветов вряд ли успел спастись. Но солдат медленно душил врага, почти вырывая из горла его кадык.

Пересветов потом узнал, что спустя два дня эти солдаты смогли добраться до своих. Мало того, они на своем пути освободили еще одного, совсем больного и измученного пытками молоденького лейтенанта. Солдаты толком так и не смогли объяснить, почему Сабаев расстрелял своих. В конце концов, они приняли это за помрачение рассудка, потому что произвести такую длинную очередь нечаянно – немыслимо.

А теперь, перед проникновением в сознание Окаяннова, который сегодня в миру носил скромную фамилию Сидоренко, Пересветову пришлось работать долго и кропотливо. То, что рядом во время сеанса будет отец, успокаивало его. Ведь это он был отцом-создателем этого аппарата, и в конструкции его и в принципах действия не было ничего общего с «Витязем».

* * *

Владимира Ярославича долго готовили. Он терпеливо сидел перед экраном монитора вместе с важным седым полковником из ФСБ, работая с компьютерной базой Братства. Там были данные на всех членов правительства, парламента, ближайшего окружения президента

России. И у каждого, да, почти у каждого, был свой «скелет в шкафу». И отличался он от анекдотичного скелета только тем, что шкаф-то чаще всего был служебным.

На Сидоренко, однако, досье было самое скучное. Его прошлое было изложено в нескольких банальных строках, в которых и зацепиться-то на первый взгляд было не за что. И если бы не контроль Своих за каждым шагом советника президента, Братство могло бы не заметить за скромным полнощеким Павлом Яковлевичем с симпатичной украинской фамилией одного из самых опасных врагов России. И то, что у него, на первый взгляд, не было своего «скелета», как ни парадоксально это звучит, не говорило о его кристальной честности и порядочности. Наоборот, это было признаком отличной маскировки.

В помещение, где Владимир Ярославин проходил подготовку, допускался только старый келейник. И когда к нему приехала жена, он понял – настал срок. Они как будто прощались, хотя Василиса Ивановна должна была находиться рядом. Но рядом только с его телом и с тем, кто придет в него. Это было почему-то неприятно. Владимир Ярославин пытался отговорить жену и избавить ее от этих чудовищных переживаний, но она настаивала и даже обратилась с просьбой к отцу. Ярый не считал нужным ей отказывать. Василиса поцеловала мужа на прощанье, прежде чем он лег под стеклянный колпак нейропульсара, и привычно сказала:

– Не бойся, я буду рядом. Я буду беречь тебя здесь, а ты убереги себя там, хорошо?

Владимир Ярославин улыбнулся, кивнул головой и сказал, как когда-то далекий его прапра-...дед:

– Жди.

И оба:

– С Господом!

Владимир Ярославин отчетливо помнил свое первое короткое путешествие в чужое сознание. Он навсегда помнил ту минуту, когда оказался в роли чеченского командира и успел спасти жизни российских солдат. Слава Богу, Сабаев в его теле был от ужаса так, что Ярослав Юрьевич велел поскорее вернуть сына «домой», в его собственное тело, и тем самым спас ему жизнь. И жизнь маленького чеченского поселка, который в чем-то «провинился» перед бандитами и был приговорен к уничтожению, тоже была в этот день спасена. Оглядываясь назад, Владимир Ярославич в который раз думал, что так много порой зависит от одной минуты. Эта минута одним дарит жизнь, а другим – небытие. И сейчас, когда он точно знал, что отправляется в чужую жизнь не на день и не на два, предчувствие неотвратимости судьбы и власти времен как никогда преследовало его.

* * *

Павел Яковлевич Сидоренко не часто мелькал на экранах телевизоров. И даже когда его яйцеобразная голова, украшенная небольшой глянцевой лысиной, появлялась чуть сзади президента, взгляд его не удавалось поймать ни одной камере. Казалось, в его глазных яблоках находилось специальное устройство, позволяющее ему точно определить направление, в котором необходимо смотреть. И это направление никогда не совпадало ни с глазами собеседника, ни с объективом кинокамеры. И все же Сидоренко умел владеть вниманием публики артистично. Он всегда говорил негромко и непривычно коротко, четко выражая свою позицию. Его безупречно грамотная речь, тоже ставшая непривычной для обширной российской аудитории, невольно привлекала внимание, вызывая желание выслушать его соображения и даже принять высказанную им точку зрения. Он никогда не заискивал перед высокопоставленными собеседниками, и многие знали: никого кроме президента Сидоренко над собой не чувствовал.

Сегодня, после еще одной публичной победы в отнюдь не схоластическом споре со своим соперником из новой команды президента, Павел Яковлевич в очередной раз доказал своим зарубежным покровителям, что он по-прежнему крепко держит узду власти в своих руках.

И то, что он одержал победу над первым другом и помощником премьера, доставляло ему особенное удовлетворение. Итак, он завоевал еще одно очко в споре со своим оппонентом, который, как всегда, высказывал не только свою точку зрения, но и точку зрения президента. И победой в этом споре Павел Яковлевич пополнил свой счет не «виртуальными» очками, а весомым банковским вкладом с длинным ожерельем из нуликов. Единственное, что омрачало его победу, была необходимость завтрашней поездки в составе очередной миротворческой комиссии. И избежать этой поездки он никак не мог. Да, медленно подбираясь к креслу главы государства, он должен был, к сожалению, совершать и такие вот несимпатичные его сердцу поездки. Павел Яковлевич невольно поморщился, вспомнив запах нищеты и голода во временных жилищах чеченских беженцев. Да, запах именно нищеты. Чистота, которую даже в этих жутких условиях старались поддерживать эти жалкие чьи-то жены и чьи-то матери, вызвала бы в его сердце уважение и жалость. Вызвала бы, если бы он с юных лет не привык уважать только силу и власть. А жалеть... Жалеть он, казалось, вообще не умел, да и не хотел уметь. Зачем осложнять себе жизнь совершенно ненужными в его положении душевными качествами? Это все равно, что жалеть в надежде, что и тебя когда-нибудь пожалеют, а он такую ситуацию даже предположить не хотел. Или любить... Любить, делаясь любовью, которую он привык расходовать только на себя, ему не хотелось ни с кем. Он и родителей-то своих не любил, научившись с детства артистически манипулировать ими. И своим артистизмом он мстил им за их нелюбовь к нему. Вот так он и жил, не зная этого чувства и ненавидя его за это незнание. Поэтому он считал, что и свою жену Анечку он тоже не любит. Он выбрал ее совершенно сознательно, не касаясь своего выбора ни малой частицей сердца. Он знал, что при своем невысоком росте ему нужна жена выше его, потому что она должна будет родить ему наследника. И хорошо бы, чтобы это был мальчик, и высокий мальчик. И лицо будущей своей жены он выбирал очень осознанно, потому что жена будущего президента России должна была быть мягкой славянской внешности. И то, что Анечка носила косу, которая тяжелым пшеничным клубком оттягивала ее голову назад, ему тоже очень подходило. И спокойный Анечкин характер ему тоже нравился. Наверное, если бы кто-то подсказал Павлу Яковлевичу, что это многократное «нравится» и есть любовь, он бы удивился и... не поверил. Он с большим удовольствием думал о том, что Анечка была в полной материальной зависимости от него, это служило ему гарантией ее покорности и верности на долгие годы. Конечно, как каждый мужчина, Павел Яковлевич сознавал, что жены у достойного мужа не работают, и деньги в дом приносит только глава семьи. Если бы Анечка была одинока или жила при живых и здоровых родителях, вопрос материальной зависимости даже не возникал. Но судьба подарила ему еще одну узду, которую так приятно было держать в руках. Дело в том, что родители Анечки были живы только наполовину. И здоровы только наполовину. И даже на меньшую, как ему казалось, половину. После автокатастрофы, из-за которой родители его невесты остались калеками, у него развязались руки. Больше всего он боялся однажды прозвучавшего слова «развод». Во-первых, теща и тесть стали нуждаться в материальных затратах на лечение и содержание. А это для Павла Яковлевича было самым простым и не хлопотным. Во-вторых, Анечка теперь с виноватым видом в начале каждого месяца подходила к мужу с просьбой об оплате этих самых медицинских услуг. Он сам завел это правило ежемесячной оплаты лекарств и содержания родителей Анечки в закрытой частной лечебнице, хотя мог без особого ущерба для себя оплачивать и год и два наперед. Ему очень нравилось просительное выражение лица жены и почти молитвенно сложенные руки. В эти минуты он действительно чувствовал себя маленьким земным божком. А кто откажется от удовольствия почувствовать себя в подобной роли? Иногда Павел Яковлевич думал, что, не произойди эта страшная авария, которая унесла здоровье его родственников, он и сам не смог бы придумать такой изумительный и беспроницаемый козырь, изобрести такие прочные нити для его семейного театра марионеток. А то, что умная и добрая Анечка никогда не хотела быть бездушной куклой, его не волновало. Вернее, он редко задумывался,

что там творится под этой красивой и такой женственной прической, и какой огонь бушует в этом сердечке, что бьется под высокой грудью его жены. И Анечка была ему благодарна, что он никогда не пытается говорить с ней на темы, далекие от их истинных отношений. Их единственный сын Илья, действительно похожий на мать и ростом и статью, и две девчонки-близняшки, как две капли воды похожих друг на друга и совершенно не походившие ни на одного из родителей, были как будто совершенно отдельной семьей. Илья занимался сестрами, решал все их проблемы, самыми серьезными из которых было решение задачек по алгебре. Он водил их в кино, в театр, и даже иногда занимался покупками одежды для них. У матери для этого не было ни времени, ни терпения, а своими «нет, не такое, не это» сестры доводили мать почти до слез. И тогда Илья, отложив все свои дела, терпеливо объезжал с девчонками все известные ему магазины и магазинчики. А Анна Петровна находила покой только рядом с родителями. Отец после нескольких операций уже мог самостоятельно садиться и даже перебираться в удобную самоходную инвалидную коляску. А мать навсегда была прикована к кровати. И это слово – «навсегда», стало самым страшным для них словом. Петр Константинович помогал сестрам и нянечкам ухаживать за женой. Их больничная палата напоминала, скорее, уютную комнату в их собственном доме. И как было не благодарить за это Павла? Да, он только изредка показывался здесь, обозначая этими редкими визитами свое внимание к родителям жены. И его рыбы глаза, как всегда, смотрели мимо чужих глаз и вообще, казалось, мимо всего живого. Только наталкиваясь на свое зеркальное отражение, Павел Яковлевич иногда внимательно всматривался в себя, пытаясь проникнуть взглядом за ту черту, куда сторонним вход был запрещен. Но даже его собственному взгляду не удавалось проникнуть через железные декорации его души. Иногда он даже пугался этого немигающего зора, смотревшего на него из зеркала. Как будто кто-то страшный, существующий в далеком пространстве веков и напрочь лишенный милосердия, рассматривал суету его сегодняшнего дня. Рассматривал и как будто взвешивал: раздавить или оставить еще поползать по земной тверди... Павел Яковлевич, как-то впервые столкнувшись с этим собственным и все-таки невероятно чужим взглядом, отпрянул от зеркала. Сердце его внезапно заколотилось, а серебряные бисеринки пота, собравшись в крупные капли, медленно и осязаемо потекли по вискам к подбородку, стекая за белоснежную ткань воротника сорочки. И потемневшие от влаги швы показали ему окрашенными кровью. Павел Яковлевич нетерпеливыми пальцами расстегнул воротник, но протрезвевший его взгляд уже видел, что это просто пот. Просто пот? Но почему тогда запах от него шел, как из мясной лавки...? С тех пор Павел Яковлевич старался не смотреть себе в глаза. Даже когда он брился, взгляд его двигался по щекам, подбородку, только вскользь мелькая по верхней половине лица. Ужас перед собственным непознанным внутренним миром, который так до конца и не открывался ему, прятал от него тайну, в которую ему было очень страшно заглядывать. Ему казалось, что он вполне успешно восстановил в себе родовую черту всех Окаянновых: он умел пользоваться и доверял собственному подсознанию, его интуиции мог бы позавидовать каждый, кто всерьез изучал или владел этими дарами. И все-таки, были такие тайники в его душе, которые иногда просыпались сами по себе и будили в нем чувства, которым не было места в его современном осторожном и продуманном мире. Он боялся когда-нибудь не обладать над звериными порывами собственной сути. Конечно, он бы не вцепился зубами в горло противника, нет... но безудержная ненависть и жажда власти иногда опрокидывала его сознание до такого примитивного уровня, за которым не существовало ни осторожности, ни рассудка. И тогда Павлу Яковлевичу казалось, что это страшное «нечто», гнездившееся у него в душе, когда-нибудь окончательно завоюет его и унесет в темноту сумасшествия. Так он и балансировал на невидимом гребне жизни, боясь окончательно сорваться в черную пропасть, и не смея даже думать о своем праве оглянуться в другую, светлую сторону.

* * *

Владимир Ярославич проснулся в чужой постели, рядом с чужой женщиной. Он осторожно пошевелил рукой, ощутив незнакомую прохладу дорогого шелка. Сквозь шторы пробивался мягкий уличный свет, и Пересветов рассмотрел, что шелковая сорочка прикрывает круглые плечи женщины, и край ее выбился из-под ее одеяла и накрыл его руку. Рука же его была непривычно вялой и короткой. В груди Владимира Ярославича вдруг возникло острое ощущение брезгливости. Он внезапно ощутил, что заперт в чужом теле, которое принадлежало, как говорили его прадеды, врагу. Сердце его на миг сжалось, напомнив, что и оно – чужое. Лоб его (нет – опять не его!) покрылся испариной. Пересветов резко сел в кровати, и из груди его невольно вырвался тяжелый вздох. Женщина открыла глаза и внимательно посмотрела на него:

– Что, уже пора?

Владимир Ярославич только отрицательно покачал головой. Женщина повернулась на другой бок, и опять задышала тихо и успокоенно.

Пересветов осторожно свесил с кровати ноги, непривычно далеко внизу нащупал ступнями тапки, мягкие и пушистые, как у женщины. Потом встал и вдруг увидел собственное отражение. Из глубины зеркала на него внимательно смотрел невысокий, полноватый мужчина, голова его слегка блестела плешью. Глаза непривычно испуганно рассматривали собственное отражение. И тут Владимир Ярославич вдруг вспомнил все наставления, которые еще минуту назад слушал из уст Ярого и жены. Он представил вдруг, что сейчас под колпаком нейропульсара лежит его тело с сознанием Окаяннова, и ему сделалось страшно. Увидят ли, догадаются ли его близкие, что обмен состоялся? И не примут ли мысли и слова чужого человека за слова и мысли его, Пересветова? «Нет, – успокоил он самого себя, – ведь я был готов к обмену, а Сидоренко даже не подозревает о подобной возможности. И Василиса увидит и почувствует подмену сразу». Владимир Ярославич постарался сосредоточиться на том задании, которое он должен был выполнить. Итак, соглашение, которое он должен будет подписать завтра, не должно быть подписано. Мало того, он должен будет убедить заморских покровителей Сидоренко в его политической несостоятельности. Если не осталось нечто, о чем Свои не знают. Но почему-то Владимир Ярославич чувствовал, что это «нечто» существует, и оно может в корне изменить всю программу его проникновения.

За спиной щелкнул выключатель, и Владимир Ярославич увидел рядом со своим отражением мелькнувшую тень женщины. Анна Петровна потянулась за халатом, легким движением набросила его на плечи и молча вышла из комнаты. Владимир Ярославич решил, тем временем, освоиться. Он раскрыл дверцы огромного шкафа и увидел там ровный ряд костюмов и рубашек. Он выбрал темный, подобрал к нему рубашку и галстук. Обувь нигде не было. Он торопливо стал открывать дверцу за дверцей, пока в самом углу не обнаружил большой короб с автоматически выдвигающимися полками с обувью. Стоило ему открыть дверцу, как многочисленные ботинки и полуботинки бесшумно шагнули ему навстречу. Запах кофе напомнил ему, что пора идти в ванную и брить и умывать это чужое лицо. Он накинул халат, покорно свисавший со стойки, и вышел из спальни. И только потом, вспомнив схему расположения помещений в квартире Сидоренко, Владимир Ярославич вернулся назад и открыл одну из незаметных узких дверей. Да, его ванная была слева, ванная жены Сидоренко – справа.

Оказавшись в ярко освещенном белоснежном помещении, Пересветов заставил себя встряхнуться. «Да что же это я! Из-за мелочей сразу голову потерял! Вспомни, – сказал он своему незнакомому зеркальному отражению, – ты наглый, самоуверенный тип. Ты мало говоришь, поэтому окружающие ловят каждое твое слово. И если ты молчишь, всё равно все внимают тебе! Успокойся». Пересветов вдруг увидел себя со стороны: со свесившимся мягким брюшком, руки опираются о раковину, как будто ища в ней опору. А в глаза ему смотрит вер-

ный помощник президента, которого он со дня на день должен будет свергнуть его же собственными руками. Владимир Ярославич подмигнул себе чужим глазом и вдруг расхохотался. Все сразу встало на свои места, вселив в него уверенность и решимость как можно скорее покончить со всей этой, как это там Сергей говорит? Со всей этой бодягой. Да, именно. Пересветов и сам не заметил, как быстро он выбрил это холеное лицо, умыл его и даже тщательно вычистил сидоренковские зубы. Это ощущение обслуживания чужого тела все больше и больше поднимало в нем волну непрошеного смеха. А когда ему пришлось склониться над писсуаром, он с ухмылкой подумал, что Сидоренко, видимо, пьет на ночь много жидкости.

Наконец, он умылся, тщательно оделся и вышел из спальни. В столовой уже был накрыт стол, дымилась чашка с душистым чаем, а маленькая изящная тарелочка была наполнена противной овсянкой.

«Я ем эту гадость?» – чуть было не высказался вслух Владимир Ярославич, но вовремя опомнился и почти мстительно запихал липкую кашу в рот своему Сидоренко.

Анна Петровна бесшумно скользила по столовой и, видимо привычно, молчала. Взгляд ее скользил как бы сквозь мужа, не задерживаясь на нем. И только когда Владимир Ярославич встал из-за стола и привычно сказал «Спасибо, дорогая!», она вздрогнула и внимательно посмотрела на него:

– Что-нибудь случилось?

Владимир Ярославич удивленно поднял брови и вдруг опомнился: «Какая она тебе «дорогая»! Ни тебе, ни ему она не дорога! Он ни в грош не ставит эту женщину, и нечего очеловечивать их отношения. Вернется, разберется сам». Но в душе его уже поселилось сочувствие и симпатия к женщине, которая на одно-единственное слово, сказанное искренне и ласково, среагировала, как на взведенный курок.

– Почему ты так некрасиво повязал галстук? – Она подошла к нему и заново перевязала узел, сразу улегшийся уютно и незаметно, как и надлежит настоящему галстучному узлу. Её руки на какой-то миг замерли в воздухе и вдруг почти молитвенно сложились на груди. – Ты, должно быть, забыл, Павел – сегодня первое число.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.